

INSPIRIA

Софи
Ренальд

18+

ИЗВИНИТЕ,
ЧТО МНЕ
НЕ ЖАЛЬ

INSPIRIA

Софи Ренальд

Извините, что мне не жаль

Серия «Cupsake. Девушка в поиске»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67788030

Извините, что мне не жаль:

ISBN 978-5-04-170607-4

Аннотация

Дебютный роман Софи Ренальд на российском рынке.

История девушки, которая не побоялась выйти из зоны комфорта и нашла свою любовь.

История про хороших и плохих девочек стара, как мир. Вопрос, что каждая из нас выбирает для себя.

Шарлотта чувствует себя очень одинокой. Ее лучшие друзья решили пожениться и съезжают в свое семейное гнездышко за городом. Девушка увязла в работе, уже не видит смысла ходить на дурацкие однотипные свидания, а по вечерам коротает время за сериалами в обнимку с мороженым.

В один из таких вечеров она находит в интернете подкаст «Извините, что мне не жаль», где призывают женщин выйти из зоны комфорта и разбудить в себе плохую девчонку.

Старая Шарлотта всегда была хорошей девочкой, но новая Шарлотта заказывает еще одну маргариту и готова отправиться навстречу приключениям.

«Я смеялась, плакала и опять смеялась». – CannonballRead.com

«Идеальная книга для любителей британских романтических драмкомедий». – Library Journal

«”Извините, что мне не жаль” – это увлекательные американские горки, состоящие из драмы, тревоги, насущных проблем и сюрпризов». – HarlequinJunkie.com

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	37
Глава 4	52
Глава 5	68
Глава 6	81
Глава 7	92
Глава 8	107
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Софи Ренальд

Извините, что мне не жаль

Светлой памяти Джи, одного хорошего парня

Sophie Ranald

SORRY NOT SORRY

Copyright © Sophie Ranald, 2019

First published in Great Britain in 2019 by Storyfire Ltd
trading as Bookouture

© Крылова Е., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО Изда-
тельство «Эксмо», 2022

Глава 1

Я вернулась с работы и застала Мэдди и Генри буквально за секунду до отъезда. Грузовик, взятый напрокат, уже ждал их на улице, недалеко от дома, а сами они стояли в коридоре, окруженные вещами. Может, они решили меня не ждать, но потом передумали. Ведь я тоже сначала хотела пойти в паб после работы, но в итоге поехала домой, попрощаться.

– О, Шарлотта, ты здесь! – воскликнула Мэдди как-то неестественно весело.

– Да! – ответила я так же натянуто. – Брайони и Элис собирались в «Куагс», выпить по коктейлю, но я не поехала... не смогла...

Я замолчала и попыталась взглянуть Мэдди в глаза, но и это у меня почему-то не вышло. Моя лучшая подруга, ее лицо было мне так же знакомо, как свое собственное, стояла передо мной в нашем привычном коридоре, в джинсах «Севен фо олл мэнкайнд», которые мы нашли в магазине «Махх» шесть лет назад. Эти когда-то новые джинсы на моих глазах постарели, потом и вовсе износились. А сколько раз я доставала их из стиральной машины, уже и не вспомнишь. Зеленые глаза за очками «кошачий глаз», темные короткие волосы, ямочка на левой щеке – ее можно увидеть почти всегда, потому что Мэдди почти всегда улыбается.

Но не сейчас.

Генри откашлялся.

– Мы повесили ключи на крючок в коридоре.

– Мы хотели завезти их к «Лохерсонам», – сказала Мэдди, улыбаясь от названия, которое мы придумали агентству по недвижимости, – но не успели, они уже закрылись.

– Ничего страшного, я завтра отвезу, – сказала я.

– Со счетами мы вроде уже разобрались, – сказал Генри, – муниципальный налог, вода, газ, электричество, интернет – еще подписались на пересылку почты на ближайшие три месяца. Скажи, если еще о чем-то забыли.

– Одета придет в понедельник с уборкой, – сказала Мэдди, – не забудь, потом она уезжает в Румынию на две недели, но в агентстве сказали, что пришлют кого-то вместо нее. Я сказала, ты договоришься с ними насчет прямого дебетования.

– Олли из «Лохерсонов» звонил передать, что владелец дома договорился с кем-то насчет сада и он должен приехать завтра, – сказал Генри. – Будем надеяться, что он наконец-то вырубит это дерево, но, может, еще и не придет. Ты их знаешь.

– Наш новый холодильник доставят только на следующей неделе, поэтому мы оставили здесь кое-что из готовых блюд и чили, который я приготовила на днях. Все твое. Ты всегда так занята, Шарлотта, я знаю, что тебе некогда готовить, – сказала Мэдди.

– Да и мы не в Сибирь переезжаем, – сказал Генри, – а

всего лишь в Бромли. Отсюда всего полтора часа на поезде.

Полтора часа на трех разных поездах, а еще на автобусе, подумала я. И чем это лучше Сибири?

Когда полгода назад Мэдди с нескрываемым восторгом сообщила мне, что Генри получил наследство от бабушки и теперь они смогут купить собственный дом и наконец распрощаться с дорогушей и нестабильной жизнью в съемном лондонском жилье, я представила себе, что они купят элегантную квартиру в одном из новых зданий неподалеку – городской шик с видом на канал. Или, может быть, вдохнут новую жизнь в какой-нибудь викторианский коттедж со старинным камином и полированным полом.

Вместо этого они выбрали таунхаус с тремя спальнями и большим садом в самом настоящем пригороде. Я знала, что все это не ограничится физическим расстоянием, что Мэдди и Генри начинают новую жизнь с хорошими местными школами поблизости, садоводством по выходным и застольями с сестрой Генри, которая, оказывается, тоже живет неподалеку. Выходит, что они не просто покупают дом, а улетают со скоростью гигантской ракеты и оставляют меня позади, с моей ежемесячной платой за аренду, поездками на работу в метро и одиночеством по ночам. Теперь я останусь со всем этим наедине, без лучшей подруги.

И вдруг я осознала, что все это время стояла, уставившись на свои туфли оттенка «тауп» на маленьком каблукe – в магазине они выглядели такими удобными, но на деле оказа-

лись ужасно тесными и мучили меня весь день. Я заставила себя поднять глаза на их озабоченные, виноватые лица.

И вдруг залилась смехом. Это хорошо, а то кто-нибудь из нас бы точно расплакался.

– Ребята, ну вы чего! – сказала я. – Мне двадцать семь лет. Я большая девочка. Уже не первый год сама все делаю. Как платить за газ – знаю, уборщице дверь открою, доставать агентов по недвижимости тоже умею. У меня ответственная работа. Уже сто лет не вырубалась в ночном автобусе. Я справлюсь.

Мэдди тоже засмеялась и сказала:

– Господи, прости, Шарлотта. Конечно, справишься. Просто знаешь, так странно... Переезжать отсюда. Я так долго здесь жила. Буду ужасно по тебе скучать.

– Я тоже. Но, как ты и сказала, это всего лишь юг Лондона.

– Не хочешь переночевать сегодня у нас? – спросила Мэдди. – Закажем пиццу, поможем нам собрать новый книжный шкаф «Билли».

На долю секунды я почти согласилась, но потом сказала себе, что это глупо, и ответила:

– Да нет, ты что. Это ваша первая ночь на новом месте. Оставайтесь вместе, наедине, целуйте стены, перепихнитесь на кухне и все такое. И сами собирайте свой дурацкий икеевский шкаф.

– Точно, Шарлотта? – спросил Генри, – Мы будем тебе очень рады. А перепихнуться мы всегда успеем.

Но как бы старательно он ни пытался это скрыть, я видела, что он рад. Конечно, рад. Когда-то Генри откликнулся на наше с Мэдди объявление о новом соседе по дому и переехал к нам, а через пару месяцев освободил свою комнату и перебрался к Мэдди – и все это время я жила с ними. Не все время, конечно – я работала допоздна, ездила в отпуск с друзьями, ходила на вечеринки с коллегами (и на свидания, хотя не часто) и все такое. Тем не менее они уже два года вместе, и все это время я была в доме третьим лишним. И как бы хорошо мы ни ладили друг с другом – а мы прекрасно уживались, – я знала, что им бывало непросто. Особенно Генри.

Теперь у них наконец-то будет дом, где они будут жить вместе. А еще через пять месяцев, после головокружительно романтического предложения руки и сердца в ресторане на небоскребе «Шард» (не волнуйтесь, меня там не было, но Мэдди раз семь пересказала мне все в мельчайших подробностях), они поженятся. Не хочу быть доставучим и ненужным третьим лишним.

Поэтому я снова отказалась от приглашения со всеми их пиццами «Домино`s» и сборкой шкафов – только на этот раз уже более решительно, и помогла отнести оставшиеся вещи в грузовик.

– В любом случае ты ненадолго остаешься одна, – сказала Мэдди, снова как-то слезливо, – в воскресенье приезжает новая девушка.

– Ага, – кажется, что уже столько времени прошло с того, как мы разместили в интернете рекламу о сдаче комнаты, да и вообще я лишь вскользь просматривала письма от всех желающих – отчасти потому, что их было очень много. Но прежде всего я отказывалась думать о том, что этот день наступит. – Как ее зовут? Пэнси?

– Как-то так, – ответил Генри, – не могу вспомнить.

– Но Генри она очень понравилась, – сказала Мэдди, – ему кажется, что вы подружитесь. Жаль, что когда она приедет, нас уже здесь не будет.

– Да, мне все еще неудобно из-за того, что вам пришлось показывать ей дом в последнюю минуту, – сказала я Генри, – мы уже обо всем договорились, а тут вдруг случился этот жуткий «брексит», когда Тереза Мэй активировала статью 50¹ или сослалась на нее, или что там еще. В итоге я вернулась домой в четыре часа утра, потому что Колин заставил нас сидеть в офисе на случай, если на бирже все сойдут с ума.

– Не волнуйся, ничего страшного! Мне тоже пришлось отработать сверхурочную смену в хирургическом отделении, – сказала Мэдди, – но да, кажется, она очень милая. К тому же благодаря ей у тебя будут огромные скидки на одежду из «Аутнет».

– Нет, не из «Аутнет», – сказал Генри, – там что-то другое.

¹ Статья Конституции Евросоюза описывает процедуру выхода Великобритании из ЕС.

Она там работает закупщиком или что-то такое.

– «БрэндАллей»? – спросила Мэдди.

Генри покачал головой.

– Может, «Люксфорлесс»? – спросила я.

– Думаю, это оно, – сказал Генри, – кстати, извиняюсь, ее зовут не Пэнси, а Тэнси. Обещала приехать в воскресенье. Я сказал ей, что завтра Олли отдаст ей ключи, так что если бы ты могла их туда отвезти, Шарлотта, конечно, если тебе не трудно...

Я ответила, что совсем не трудно. Не то чтобы у меня были какие-то грандиозные планы на выходные. Хотя когда они у меня вообще были?

– Хотя я не уверена, что смогу ее встретить, – сказала я, – потому что у нас бранч, помнишь, Мэдди? Третье воскресенье каждого месяца, как всегда?

Теперь Мэдди уставилась на свои кеды. Потрепанные кеды «Конверсы» – некогда белые, они уж точно не натирают ей ноги.

– Да, правда, я не уверена, что смогу в этом месяце, – боязливо сказала она, – просто, знаешь, столько дел на новом месте. На выходных к нам придут класть плитку в ванную, и если я оставлю Генри в ответе за все, у нас будет кирпичная кладка вместо «елочки». Вот. Извини, что не держу обещаний. Я хотела предупредить тебя в Вотсап, но не успела. Зато другие придут – Молли, Хлоя... расскажут тебе о том, как прошла свадьба сестры Уильяма на прошлых выходных.

– Точно, – я на секунду оживилась, – и Молли в своем шелковом платье-комбинации малинового цвета и брюках металлик. Незабываемо!

И это правда – Молли уже давно развлекала нас на бранче рассказами о забитом всякими свадебными штуками чулане своей будущей золовки. И при этом говорила: «Боже, мне точно придется сесть на эту жуткую диету, если я хочу влезть в это дурацкое платье и поразить Уильяма так, чтоб он тут же сделал мне предложение». И после этого она вместе со всеми наедалась бесчисленными булочками на пару и пила «Кровавую Мэри». Я знала, что Мэдди напоминает мне об этом, чтобы отвлечь от грустной мысли о том, что ее там не будет. И представила, сколько раз это еще повторится в будущем, когда у них с Генри возникнут свои собственные свадебные дела, гораздо более важные. К счастью для Мэдди, у нее был Генри, который отвлекал ее от подобных мыслей.

– А еще через пару недель в мою старую комнату переедет Адам, – сказал он.

– Точно, Адам, – каким-то образом и это прошло мимо моего внимания, скорее всего в попытке отрицания очевидного. Я с радостью переложила на Мэдди задачу набросать рекламный пост для сайта «SpareRoom»² («Вы в своем уме, платежеспособны, чистоплотны и более-менее адекватны? Тогда вас ждут две комнаты в роскошном просторном доме в Хакни. Новая ванная комната. Уборщик приходит каж-

² Сайт для аренды жилья в Лондоне и соседних городах.

дую неделю. Сад во внутреннем дворике. Современная кухня. Эти комнаты освободились только потому, что мы с моим парнем переезжаем. Вашей соседкой будет моя подруга Шарлотта. С ней весело, но она часто работает допоздна, так что отдаем предпочтение профессионалам. М или Ж, от двадцати пяти до тридцати с небольшим. Пишите Мадлен или Генри»). Они же занимались и отбором кандидатов. И когда Генри сказал, что его двоюродный (или, может, троюродный) брат скоро вернется из-за границы, где работал пару лет, и что ему нужно будет где-то жить, я сказала: «Супер! Было бы здорово!» – и убежала на работу, забыв в тостере кусок хлеба, который потом сгорел и спровоцировал пожарную сигнализацию.

– Он же в Дубае был, да? – спросила я.

– В Иране. Его друг Амир начинал там свой бизнес, что-то типа «Убера», но не совсем. Но теперь уже все сделано, и Адам возвращается домой. Он хочет устроиться куда-нибудь фрилансером, заниматься разработкой приложений, но пока еще ничего не нашел. Я его уже сто лет не видел, но насколько я помню, он вполне соответствует критериям «адекватный», «в своем уме» и дальше по списку, так что не переживай.

Генри осмотрелся, подобрал с пола свои крикетные биты и щитки для ног и швырнул их в грузовик.

– Ну что, – сказал он, – вроде бы все готово. Да, Мэдди?

– Да, все готово, – ответила Мэдди, а потом добавила: –

Только я еще раз сбегаю наверх. Ты со мной, Шарлотта?

Вслед за Мэдди я вошла в наш дом – или скорее в дом, который был нашим, но теперь мне придется делить его с двумя незнакомцами. Внутри почти ничего не изменилось. Только Генри забрал из кухни свою современную эспрессо-машину, придется купить ей замену. Не было и дорожного миксера, который Мэдди купила для того, чтобы печь торты, но это-то мне точно не понадобится. В гостиной ничего не поменялось, вот только теперь в ней каким-то странным образом уживались чистота и беспорядок: коврик пропылесосили, но на книжной полке, где раньше стояла коллекция кулинарных книг Мэдди – Оттоленги³, Мэри Берри⁴, Эллы Вудворд⁵ и других, теперь лежала пыль. Пол подмели, но на стене остались потертости в тех местах, где ее касался велосипед, который Генри столько раз таскал туда-сюда.

Я знала, что в ванной ничего не изменится – мои вещи будут так же аккуратно лежать на своих местах: кольцо на тумбочке, куда Генри раньше клал свой набор для бритья; в шкафчике останется слабый аромат пионов от лосьона для тела Мэдди. Что касается комнат – в одной они спали, а в другой Генри разрешалось держать свои шмотки, потому

³ Йотам Оттоленги – шеф-повар израильского происхождения, ресторатор и автор гастрономических книг. Совладелец гастрономов и ресторанов в Лондоне.

⁴ Мэри Роза Эллин Ханнингс – дама ордена Британской империи, известная как Мэри Берри, британская телеведущая кулинарных шоу и автор кулинарных книг.

⁵ Популярный гастрономический блогер.

что, несмотря на то что в доме было три спальни, в нем была всего одна ванная – и нам ни за что не хотелось делить ее с четвертым соседом.

– Думаю, это все, – сказала Мэдди.

Я сглотнула и сказала:

– Отлично. Слушай, я желаю вам провести прекрасную первую ночь в новом доме. Я буду очень скучать, но ты же знаешь, как я за вас рада?

– Да, знаю.

А потом мы вдруг бросились навстречу друг другу и крепко-крепко обнялись у закрытых, безмолвных дверей в их опустевшие комнаты.

Я не стала спускаться за ней вниз, и вместо этого легла в кровать и какое-то время сидела в Тиндере, свайпая влево одну страничку за другой, пока продолжать уже не было ни желания, ни сил. Я спустилась, сделала себе джин с тоником и пила его, решая, не запечь ли филе трески в фольге с травами, как у Джейми Оливера по телевизору, но потом подумала «да ну его» и закинула в духовку замороженную картошку фри. А потом ела, стоя у кухонного шкафа и глядя на то, как летнее небо медленно темнело, переходя из насыщенно-голубого в шиферно-серый, – садиться почему-то не хотелось.

Потом я сходила в магазинчик на углу и купила ведро «Ben & Jerry's», даже не посмотрев, с каким вкусом, а затем принялась за него, лежа в кровати и продолжая тупо смот-

реть в телефон.

Я уже три года ни с кем не встречалась. Три года с того дня, когда поняла, что несмотря на то, что мы с Лиамом жили вместе в общей квартире в Ньюкасле и все вроде бы шло к свадьбе и детям, — мне хотелось большего. Он был хорошим парнем и стал бы хорошим мужем и прекрасным отцом. Но я поняла, что каждое утро, прежде чем встать и поставить чайник, я несколько минут смотрела на его голову на подушке рядом с собой и думала: «Черт. И это все?».

Я могла бы элементарно зарыть голову в песок, пустить все на самотек и дожидаться, пока бы мы уже не просто не любили, но даже и не нравились друг другу, но вдруг, почти за месяц, произошли две вещи. Мама, которая и сама уже много лет жила одна, после того как папа нас бросил, когда я была маленькой, — заявила, что переезжает в Испанию. Джим, чувак, с которым она начала встречаться за год до этого, был слесарем и, судя по всему, настолько успешным, что решил уйти на пенсию и уехать в Аликанте, где жила его дочь с мужем и двумя детьми. И мама собралась составить ему компанию, обо мне и не думая. А потом мне предложили работу мечты в Лондоне — и именно это послужило тем самым толчком к большим переменам.

Вроде бы все прекрасно, но за три года ничего не изменилось. У меня появилась хоть и новая, но все же рутина: работа, вечеринки с коллегами, работа, посиделки в пабе — сначала с Мэдди, а потом уже с ней и Генри, работа, ежемесяч-

ные бранчи с друзьями Мэдди, которые приняли меня в свой круг, но так со мной и не подружились, – и снова работа...

До сегодняшнего дня. Теперь, с отъездом Мэдди и Генри, я осознала, каким пустым был не только мой дом, но и вся моя жизнь. Мэдди и Генри есть друг у друга. У меня же нет никого. И снова в голове крутится все тот же вопрос. Черт. И это все? И, что более важно, у меня уже больше года не было секса.

Я выскребла со дна ведерка остатки карамельного мороженого и облизала пальцы. И когда я загуглила «как найти любовь, секс и счастье», на экране телефона остался липкий след.

Одно можно было сказать наверняка: я не одна такое искала. В интернете полно советов насчет того, как заполнить профиль в Тиндере так, чтобы парень моей мечты свайпнул вправо так быстро, что чуть палец себе не вывихнул; как призвать энергию Вселенной, чтобы все мечты исполнились; или как дойти от нуля до высшей точки наслаждения в тантрическом сексе. Нашелся даже местный духовный целитель, обещавший своим колдовством сделать меня неотразимой в глазах парня моей мечты – и все за копейки. Хотя его навыки поисковой оптимизации меня поразили – сайт появился уже в начале второй страницы поиска, – я решила, что, наверное, не стоит.

Однако прямо под ним была страничка, на которую я кликнула. Название сразу же привлекло мое внимание –

«Извините, что мне не жаль» (руководство по любви и сексу от плохой девчонки).

У сайта был простой дизайн: по мосту шла женщина, изображенная со спины, в красном пальто, – я догадалась, что это был Бруклинский мост в Нью-Йорке, потому что на фоне проступал контур зданий Манхэттена. Я всегда хотела в Нью-Йорк, но так туда и не добралась. И никогда не доберусь, если буду жить по-прежнему.

На страничке было мало текста, только: «Привет, и добро пожаловать на “Извините, что мне не жаль” – серию подкастов, которые я записала, чтобы помочь одиноким девушкам – и парням – плыть по беспокойным водам романтических отношений. Я называю это “гидом по любви и сексу от плохой девочки”, хотя должна признаться: во мне гораздо больше “ванили”, чем мне того хочется. Но я хочу попробовать реализовать эту сторону своей натуры – найти ту смелую, сумасшедшую, веселую себя. Раз вы кликнули на этот сайт, наверное, и вам хочется того же! Но я болтушка, а не писательница, так что, может, послушаете?»

Ну что, Плохая Девочка, подумала я, давай посмотрим, что ты там записала. Я пролистнула вниз и посмотрела на даты аудиоссылок. Все они уже довольно старые – даже самой новой было почти пять лет. Но я сказала себе, что и любовные отношения вряд ли изменились за пять лет – даже приложение для знакомств «Бамбл» существует примерно столько же. Ссылок было множество: как сделать офигенный

онлайн-профиль, советы по безопасности на свиданиях, обзоры нижнего белья и секс-игрушек («Эти я уже протестировала, так что вам не обязательно. Хотя, если хотите, то конечно!» – написала она). Я чувствовала себя не сексуальной пустого ведерка от мороженого, так что для всяких дерзких трусиков и вибраторов момент был совсем неподходящий. Но одна ссылка привлекла мое внимание – «Поставь перед собой пару задач и добавь огня в свою личную жизнь!».

Я подключила наушники, хоть и не надо было, ведь, кроме меня, дома все равно никого не было, и включила запись.

Привет, подруга. С возвращением в подкаст «Извините, что мне не жаль» – гид по любви и сексу от плохой девчонки. Если ты здесь впервые – огромный привет и такие же огромные обнимашки.

Если ты моя постоянная слушательница, можешь на секунду отключиться. Высуши голову, напиши кому-нибудь в Ватсап, приготовь смузи, да что угодно – услышимся через пару минут, а пока я скажу новичкам пару слов о себе.

Около года назад я запустила серию подкастов, в которых решила делиться всеми новостями в моей жизни. Мои давние слушатели наверняка слышали о моих приключениях – и злключениях на свиданиях; поверь мне, их было немало. Они были со мной, когда я пошла на то ужасное свидание с парнем-вонючкой – помните? Я-то уж точно не забуду. Понохал – и это с тобой навсегда. Они поймут, на что я на-

мекаю, говоря о Психомене – который, это не шутка, жил в доме своей покойной матушки и держал все ее вещи на своих местах, например, свадебную фотографию на стене и даже расческу с ее волосами на тумбочке. Не говоря уже о том, что он хотел заняться со мной этим прямо там. На. Ее. Кровати. Спойлер: я не согласилась. Звоните в полицию, вот что. И секса у нас с ним не было.

Погодите, я совсем отвлеклась! Я собиралась рассказать, о чем же эта новая серия подкастов.

Недавно я заметила кое-что в своей личной жизни, да и в жизни вообще. Я поняла, что погрязла в рутине, и поэтому решила поставить перед собой несколько трудных задач – надеюсь, что это придаст свиданиям немного авантюризма, сделает их не такими скучными и целенаправленными. И в то же время сделает меня более свободной и интересной для знакомств. Что здесь может не понравиться?

Понимаешь, ведь все эти романтические приключения не только для того, чтобы найти Того Единственного. Речь о том, чтобы ты – и, конечно, я – нашла себя. Чтобы мы насладились приключениями, открыли новые горизонты, узнали больше о себе. Черт, да речь и о потрясающих оргазмах, наконец! Я бы от такого не отказалась. А ты?

А ты ответила «да», верно? Тогда присоединяйся и брось вызов самой себе!

Итак, начнем. Первый челлендж, который я устрою самой себе, будет довольно простым, хотя сейчас он кажется

мне не проще покорения Эвереста...

Глава 2

Кажется, я заснула, не успев дослушать подкаст, потому что на следующее утро проснулась с наушником в ухе. Провод запутался вокруг шеи, а на подушке лежало пустое ведро от мороженого. Во рту было кисло, в комнате жарко – я вся вспотела, да и, честно говоря, чувствовала себя довольно паршиво. Сквозь открытые занавески в спальню проникал солнечный свет – это меня, скорее всего, и разбудило.

Потом я услышала мужской голос, прямо под окнами:

– Оливер? Да, это Тим Гладстон. Я у дома номер 65, но кажется, там никого нет.

Черт. Наверное, я все-таки проснулась от стука в дверь. Это чувак насчет дерева, Генри говорил, что он приедет сегодня. Я натянула джинсы, побежала босиком вниз и открыла дверь.

– Извините, пожалуйста, – сказала я, – я просто...

– Решили выспаться, – улыбнулся мужчина на пороге.

Блин.

Открыть дверь незнакомцу, будучи со вчерашним макияжем, спутанными волосами и нечищеными зубами – уже не очень, а когда этот незнакомец еще и выглядит так, будто я специально загуглила «горячий садовник», это вообще кошмар. У него были ярко-зеленые глаза и небрежные, сияющие темные волосы. Глубокие ямочки на щеках, которые не

скрывала даже щетина. Его рабочая светоотражающая куртка была расстегнута, и сквозь белую футболку проступала очень даже впечатляющая грудь и кубики пресса.

– Я из «Деревьев Тима», – сказал он, и я поняла, что стою и пялюсь на него как дура. К счастью, я хотя бы лифчик вчера не сняла. Да, я выглядела абсолютно потрепанной и явно только что проснувшейся, но хотя бы грудь не болталась туда-сюда под майкой.

– «Деревья Тима», – повторила я за ним.

– Я пришел взглянуть на ветку, которая нависает над крышей ваших соседей, – сказал он.

– Нависшая ветка, – повторила я, – да. Точно. Поняла вас. Ну конечно. Эээ... она в саду.

Ямочки на его щеках углубились, губы не двигались, но я догадалась, что он едва сдерживается, чтобы не улыбнуться или, скорее, не расхохотаться над моей глупостью.

– Хорошо, – сказал он, – я принесу инструменты из грузовика.

– Отлично, – ответила я, – оставлю заднюю дверь открытой и вернусь через пару секунд.

Я побежала наверх и закрылась в ванной комнате. Потом включила душ на полную и села на край ванны, закрыв лицо руками. Неужели за несколько лет все стало так плохо, что я неспособна даже заговорить с привлекательным мужчиной, не заикаясь при этом и не краснея как дура? Не говоря уже о том, что у меня весь рот испачкан вчерашним мороженым.

Но, ответила я сама себе, я же все время говорю с привлекательными мужчинами, правда, на работе, где мы собираемся для конкретной цели, а не для того, чтобы друг другу нравиться. Но этот парень, Тим, он работает, Шарлотта, – напомнила я себе, – иди-ка в душ, потом надень что-нибудь, спустись вниз и пофлиртуй с ним. Пофлиртовать? Откуда я это взяла? А потом вспомнила: это все подкаст «Извините, что мне не жаль».

Первый челлендж, о котором я, должно быть, все же услышала перед тем, как вырубилась, это флирт с незнакомцем. Флирт? Это что вообще такое? Я даже не помню, когда флиртовала с кем-то в последний раз. Хотя подождите – кажется, позапрошлым летом, когда мы с Мэдди и Генри были на фестивале электронной музыки «Кримфилдс». Мы стояли в очереди за лапшой рамен, и какой-то парень впереди заговорил со мной. Я ответила, мы встретились глазами, а потом, как только я подумала: «Стоп, он что, флиртует?», подошла его девушка и выплеснула ему на голову целую пинту ликера «Пимм’с». Не Ромео с Джульеттой, конечно.

«Тебя никто не заставляет, – сказала я себе, – если хочешь, давай, провали первый же челлендж. Или соберись и сделай это. Все равно ты его больше не увидишь».

В итоге я приняла душ, надела шорты, новую чистую майку и критично осмотрела себя в зеркале. Несколько месяцев назад, на бранче, мы говорили о политике – ну вроде того. Честно говоря, мы спорили, кто скорее улыбнется – Мела-

ния Трамп или Виктория Бекхэм. А потом Мэдди сказала: «Знаешь, а ведь эта Иванка, дочь Трампа, тебе и в подметки не годится».

Я же сказала, что да, у нас с Иванкой прямые светлые волосы и довольно «тяжелые» лица. Но при этом она – метр восемьдесят, я на десять сантиметров ниже, а вес у нас, скорее всего, одинаковый. Так что если приплюсовать ее, как кофе в прессе, а то, что останется, одеть в дешевые шмотки и снабдить ньюкаслским диалектом, выйдет что-то вроде меня, и то не совсем. Не говоря уже о том, что мой папа далеко не миллиардер. И теперь, каждый раз глядя в зеркало, я задавалась вопросом, неужели люди смотрят на меня и думают: «Боже, да это просто пухленькая, низкорослая версия Иванки Трамп, только зубы у нее, конечно, похуже!». Можете себе представить, как это повлияло на мою самооценку.

Я пошла на визг, который доносился снизу, скорее всего от бензопилы, и навстречу яркому солнцу. На плитке лежали опавшие листья, сучки и несколько веточек, но Тима нигде не было видно. Хотя из окна на верхнем этаже, своего так называемого укрытия, выглядывал Снежок, белый соседский кот. И вид у него был явно недовольный. Потом шум прекратился, и я услышала голос Тима:

– Я здесь.

Я не знала, как работают арбористы. Может, на лестницы забираются? Но он забрался на одну из веток и висел прямо на дереве, высоко-высоко. Защитные очки закрывали лицо,

но никак не достоинства его стройной фигуры.

– Почти все, – крикнул он, – потом уберусь и поеду.

– Может, сделать вам чашечку чая или что-нибудь такое? – предложила я, – Может, холодного? Сегодня жарко.

«Боже, ты говоришь, как актриса из дешевого порно, Шарлотта», – подумала я, съезжившись. Но вроде бы он не возражает.

– С радостью, – ответил Тим, снова включил свою бензопилу и вернулся к работе. Какое-то время я стояла и смотрела на него. В мужчине, занимающемся трудной и опасной физической работой, что-то есть – что-то очень сексуальное. В том, как его крепкое тело остается неподвижным, держась за ветку одними бедрами. И в том, как его лицо стало таким суровым и сосредоточенным. Он казался таким невозмутимым, несмотря на то, что висел на высоте нескольких метров над землей с пилой, которая, если бы он хоть на секунду отвлекся, тут же лишила его руки. Ну и конечно, нельзя забывать, что он был молодым и красивым. Не уверена, что арборист среднего возраста с пивным брюшком произвел бы на меня такое же впечатление – если такие вообще существуют. Может, и нет. Может, все они уже попадали с деревьев, лишились рук или ног. А может, страх высоты взял свое и они ушли на пенсию.

Нехотя я перестала за ним наблюдать и пошла в дом. В холодильнике стояло несколько банок диетической «Колы» и бутылок пива, которые оставил Генри. Скорее всего, Тим

от них откажется, ведь он на работе и за рулем (и к тому же машет смертельной бензопилой), но я все равно предложу. Еще я поставила чайник, на всякий случай. Я заметила, что у меня немного дрожали руки – даже смешно, и вспомнила слова ведущей подкаста «Извините, что мне не жаль» – Плохой Девочки, о которой я как раз и подумала:

Не волнуйся! Ты же не должна с ним спать, божье мой! Просто немного повеселись, пофлиртуй. Поймай его взгляд, пошутить, посмейся вместе с ним. Может, даже позволь себе немного физического контакта. Прикоснись к его руке, например.

Насколько это будет сложно? Я знала ответ: это будет невероятно сложно. По части флирта я была такой же отсталой, как Пол Гаскойн ⁶, когда он вернулся в футбол. Я подождала, пока Тим убрался и отнес все инструменты в фургон. Потом он вошел в кухню и сказал:

– Все, готово. Теперь ваши соседи могут не волноваться за черепицу на крыше.

– Что хотите выпить? – спросила я, медленно указывая на чайник и холодильник. Тим снял свою рабочую куртку, и мои догадки насчет его фигуры полностью оправдались. У него были такие накачанные руки, что от них растягивались

⁶ Футболист, полузащитник, один из лидеров сборной Англии с конца 1980-х до середины 1990-х гг.

рукава его белой футболки, запачканной древесным соком и потом там, где соприкасалась с телом. А под джинсами происходило еще более будоражащее движение мускулов. Просто огонь.

– Стакан воды, спасибо, – сказал он, и я поняла, что все это время снова на него пялилась.

Я набрала воды из-под крана в пивную кружку и добавила туда пару кубиков льда, жалея, что не могу приложить их к своим горящим щекам. Или к его накачанному прессу – лед сразу растает от соприкосновения с кожей и побежит аппетитной струйкой прямо к его... Шарлотта! О чем ты вообще думаешь?

– Так что вы там делали? Это очень опасно? – спросила я.

– Да ничего особенного на самом деле. Это опасно, только если не знаешь, что делаешь.

Тим подошел и взял кружку у меня из рук. Он был так близко, что я чувствовала его запах: дезодорант или гель для душа, что-то такое, и древесный запах, оставшийся на руках и на нем самом – такой сыроватый, сексуальный, мужской запах. Это опасно. Я не знаю, что делаю.

– Кем вы работаете? – спросил он.

– В сфере финансов, – ответила я, – помощником администратора в хедж-фонде в Мейфэйре. Совсем не так увлекательно, как ваша работа.

– Это не всегда увлекательно. Только иногда.

Он посмотрел на меня, а я на него. Мы долго глядели друг

на друга, и в тот момент что-то изменилось. Я знала, что он понимает, о чем я думаю, и чувствует то же самое. Тихая, солнечная кухня сразу же зарядилась сексом, как будто это танцпол в клубе или номер люкс для молодоженов в отеле «Флэш».

Я ему нравлюсь, и это точно (даже если я пухлый двойник Иванки), но не знаю, что сказать, не могу придумать ничего остроумного, да и вообще ничего.

Он сделал большой глоток воды, подошел еще на шаг ближе и отдал мне кружку, не отводя глаз.

– Значит, твоя вторая половинка сейчас не дома? – спросил он.

Я послушала всего один эпизод «Извините, что мне не жаль», и то заснула, не дослушав его до конца, но была уверена, что знаю, что ведущая сделала бы на моем месте.

Она бы включила свою внутреннюю плохую девочку и ответила: «На самом деле я свободна», при этом глядя на него сквозь ресницы и взмахивая локонами.

Затем сделала бы шаг вперед, а ближе уже и некуда. Достронулась до его руки – до места, где рукав растянулся от бицепса, и почувствовала тепло и мягкость его кожи, именно такой, какой она кажется, а под рубашкой – упругие и сильные мускулы. Она бы улыбнулась и приблизилась к его лицу, дожидаясь поцелуя, прикосновения и всего, что было бы дальше. А может, набралась бы смелости и страстно поцеловала его первая.

Но я... ничего подобного не сделала. Пошла на попятную. И услышала собственный голос:

– На самом деле он придет с минуты на минуту.

А Тим сказал:

– В таком случае мне лучше поторопиться.

Я дождалась, пока он не уехал, и упала на диван, горя от волнения. Я до него не дотронулась. Я даже толком не пофлиртовала. Но что-то я все-таки сделала – та сторона меня, про которую я уже давно забыла, очнулась ото сна. Я ожила. Впервые за много месяцев.

Боже, Шарлотта, еще немного, и ты переспала бы с арбористом!

Я решила не рассказывать об этой квазиавантюре Молли и Хлое во время бранча на следующий день. Если бы там была Мэдди, может, я что-нибудь и сказала. Даже превратила бы все это в целую историю, преувеличив сексуальность Тима и приуменьшив свою трусость. Но Мэдди не пришла, и я промолчала.

Вместо этого мы обсудили вероятность того, что парень Молли, Уильям, сделает ей предложение (по-моему, весьма маловероятно, ведь они встречаются уже несколько лет и вроде бы его и так все устраивает: Молли занимается глажкой, готовит ему ужин каждый день – зачем что-то менять?). Еще мы говорили о Гарете – новом и, похоже, идеальном парне Хлои (она познакомилась с ним в интернете, через несколько месяцев после того, как Сэм разбил ей сердце. Она

впала в депрессию и так похудела, что даже не пришлось втягивать щеки для селфи на аватарку в Тиндере). А также о том, продержусь ли я всю следующую неделю, чтобы не сойти с ума и не атаковать Пирса степлером (он даже не был моим боссом, но относился ко мне как к прислуге).

И только позже, когда я уже вышла из метро, слегка навеселе от «Маргариты», я поняла, что совсем забыла о новой соседке, которая, должно быть, уже приехала. Бедная, подумала я, приехала, а дома ни души. Ладно, зато у нее был шанс походить по дому, осмотреться и решить, в какую из двух свободных комнат перенести свои вещи. Я ускорила шаг и поспешила за угол, на нашу улицу, остановившись, только чтобы погладить Снежка по его колючему белому подбородку – он сидел на стене напротив соседского дома и, судя по всему, ждал, когда вернутся его люди. Семь часов вечера – у нас еще было время сходить в паб и познакомиться друг с другом.

Но когда я открыла дверь и крикнула «Привет! – никто не ответил. Я крикнула снова, поднялась наверх и осмотрелась. Обе спальни все еще пустовали и выглядели заброшенными. И несмотря на то, что Генри не спал в своей комнате уже много месяцев, она все же казалась нужной, пока он здесь жил – в шкафу висели его вещи, в углу стояли лыжи.

Ничего страшного. Скоро придет Тэнси, дом снова оживет, и я больше не буду болтаться здесь в одиночестве. Но пока на меня навалилась депрессия воскресных вечеров. Ве-

ки отяжелели от коктейлей, выпитых во время бранча, и я чувствовала, что у меня начинается похмелье. Я угрюмо заправила стиральную машину, какое-то время постояла, уставившись на холодильник, но так и не решила, что съесть. В итоге заварила чай, взяла пачку печенья «Хобнобс» и пошла к себе смотреть «Джеймстаун» на планшете.

Должно быть, я заснула. Помню только, как уже во второй раз за эти выходные проснулась от стука дверного молотка и собственного сердца в ответ. Я взглянула на часы – полдвенадцатого.

Что за хрень? Кто вообще переезжает в полночь в воскресенье? А может, это вообще не Тэнси, а кто-нибудь другой? Однажды нас разбудили соседи, Люк и Ханна, потому что забыли ключи в пабе. Им пришлось перелезть через забор, чтобы потом взломать свою заднюю дверь. А что, если это из полиции? Вдруг что-то случилось с Мэдди или Генри? В голове крутилось множество мыслей, одна хуже другой; я надела первое попавшееся и побежала вниз.

На пороге, со вздутым рюкзаком на плече, огромной дорожной сумкой у ног и огромным букетом розовых роз в руке, передо мной стоял ангел «Victoria's Secret». Это чистая правда – она была настолько сногсшибательна, что я стояла, не двигаясь, и глаз от нее не могла отвести. Девушка была гораздо выше меня, и у нее были длинные светлые волосы медового оттенка – растрепанные, но в то же время шелковистые. Глаза фиалкового цвета, обрамленные длинными, пу-

шистыми черными ресницами Она была удивительно стройной, но при этом с изящными изгибами. Ее пухлые губки напоминали розовый бутон, а улыбнувшись, она обнажила ровные жемчужные зубы.

– Ты, наверное, Шарлотта? – спросила она хрипловатым голосом, идеально сочетающимся с ее удивительно сексуальной внешностью. – Извини, что так поздно. Сегодня у меня просто все пошло не так и я не знала, что агентство по недвижимости уже закрылось. Я не успела забрать ключи, а номера твоего у меня нет. Пришлось бы ждать до завтра, а мне некуда идти.

Я осознала, что стою в проходе – наверное, она уже подумала, что я ее не пущу. В ужасе я отошла в сторону и пробормотала что-то о том, чтобы она поскорее входила. Тэнси споткнулась о коврик, уронила цветы и еле-еле удержалась на ногах. И тогда я поняла, что она нажралась в хлам.

На долю секунды я просто возненавидела Генри. О чем он только думал? Конечно, мы не искали себе в соседи трезвенника-затворника, но хотя бы более-менее адекватного человека. А он нашел какую-то чокнутую алкашку. Потом я взглянула на нее снова и догадалась, как это произошло.

Наверное, Генри старался изо всех сил и задавал ей вопросы о ней самой, ее работе и социальной жизни. Но и так понятно, что сидя напротив такой запредельной красоты, он не запомнил ни слова. Она могла бы сказать, что торгует наркотиками и сейчас в бегах или что ее выгнали из про-

шлого дома, после того, как она сожгла его дотла – да что угодно, он все равно бы решил, что она идеальный кандидат. И Генри не какой-то там развратник, не подумайте, – он любил Мэдди, но тем не менее. Любой мужчина традиционной ориентации при встрече с Тэнси перестал бы мыслить рационально.

Тэнси бросила рюкзак на пол, покопалась в нем, вытащила бутылку шампанского и вручила ее мне вместе со слегка потрепанными розами.

– Это тебе, – сказала она, – правда, мне очень неудобно за все это.

Если ее день действительно оказался таким сумбурным, как она умудрилась найти открытый цветочный магазин, в котором продают такие восхитительные букеты, и заодно винотеку с «Перрье Жуэ Бэлль Эпок»? Но я не стала об этом спрашивать, а просто поблагодарила и предложила показать дом.

– Пожалуйста, не беспокойся. Я вижу, что разбудила тебя, да и сама совсем вымоталась. Если ты не против, я сразу на боковую.

Я ответила, что совсем не против, и она поднялась за мной наверх, осмотрелась, развернулась и пошла в комнату, где жила Мэдди.

– Я пойду, а ты обживайся, – сказала я, – ванная там, рядом с ней моя комната. Рядом с тобой пустая комната, но на этой неделе к нам приедет еще один сосед, и тогда дом снова

будет полон.

– Отлично, – улыбнулась Тэнси своей сногшибательной улыбкой и зевнула. У нее даже миндалины красивые. И как бы меня ни взбесило то, в каком виде она явилась, я знала, что она мне точно понравится.

Я спустилась и выключила свет во всех комнатах, но потом вспомнила про прекрасный букет роз. Если я не поставлю его в воду, к утру цветы завянут. Я порылась в кухонных шкафчиках и нашла графин, в который мы иногда переливали «Пимм’с», налила в него воды и вынула цветы из целлофановой упаковки. Роз было так много, что я еле втиснула их в графин. Я уже почти выбросила упаковку в мусорное ведро, когда заметила, что на ней висела белая открытка с витиеватой надписью рукой флориста:

«Прошлой ночью ты была прекрасна, как всегда. Трэвис».

Глава 3

Бурлящим утром понедельника я стояла в забитом вагоне метро. Упершись головой в подмышку стоящего рядом мужчины (парень-вонючка, это не ты, случайно?), я думала о том, что вообще никого никогда не люблю: ни эту жизнерадостную ведущую «Извините, что мне не жаль», ни мир вообще, и уж тем более скучную себя со своей нудной рутинной.

После приезда Тэнси я несколько часов пролежала без сна, слушая приглушенный стук и грохот. Хотя она и пыталась тихо разложить свои вещи, но, как и любому пьяному человеку, ей это, конечно же, не удавалось. Она громко ходила на цыпочках и то и дело шептала «о, черт». И даже когда она затихла, я еще какое-то время не могла заснуть, боясь, как бы ее не стошнило. Но этого не произошло. В доме стояла тишина и витал только слабый цветочный запах, наверное, от цветов, которые она принесла, или от самой Тэнси как напоминание о ее присутствии.

Раздраженная и с красными глазами, я была явно не готова к началу загруженной рабочей недели. Я вышла из поезда и поднялась наверх, как всегда думая, почему владельцы хедж-фонда решили открыть свои офисы именно в Мейфэйре, где приходится пробиваться через толпы туристов, которые, судя по всему, впервые катаются на метро. Другое де-

ло Сити, где пассажиры, словно роботы с пустыми глазами, плавно ходят по туннелям, как на дистанционном управлении.

Но как только я переступила порог здания, где работаю, и вошла в вестибюль со встроенными в стены аквариумами, мне сразу стало лучше. Знаю, это грустно, но я люблю свою работу. Конечно, иногда жалуюсь и ною по этому поводу, но все же меня до сих пор не покидает то волнение и восхищение, которое я испытала, впервые придя сюда на собеседование.

Помню, как сидела в конференц-зале напротив Марго, заместителя директора, в мягком кожаном кресле цвета капучино, а между нами – огромная гладкая поверхность белого стола, и как подумала – хочу все это. Я смотрела на ее прекрасное шерстяное платье цвета ржавчины, строгое, но женственное, – и представляла, как однажды буду так же одета и так же уверена в своем авторитете. Представляла, как буду проводить собеседование с кем-нибудь вроде меня, а у нее не будет ни малейшего представления о том, что я выросла в муниципальном доме и получала бесплатные школьные обеды. Я волновалась и жутко нервничала, но при этом чувствовала себя здесь своей – или по меньшей мере хотела ею быть.

Помню слова Марго: «Не думай, что эта работа – сплошной глянец, Шарлотта. Потому что это не так. Это младшая должность. Тебе придется сидеть на встречах с клиентами, готовить презентации и, когда нужно, помогать Пирсу, на-

шему начальнику отдела продаж, с рекламой. И если вдруг некому сделать кофе для совещания – его делаешь ты. Если команда из отдела продаж сидит до двух часов ночи с расчетами для презентации, а тебе нужно сделать слайды в PowerPoint, ты ждешь, пока они не закончат. И если вдруг кому-то надо забрать вещи из химчистки... Ну, ты меня поняла».

Я поняла. И, к моему удивлению, меня взяли на работу с зарплатой, которая казалась мне головокружительной, пока я не поняла, как тяжело она мне будет даваться.

В это самое утро понедельника, выйдя из лифта прямо-ком в офис «Колтон Кэпитал», я услышала крик Колина. На работе я почти никогда с ним не сталкивалась, слава богу, но все же он был моим боссом – и вообще нашим общим боссом, потому что вся фирма принадлежала ему. И кричал он довольно часто. Но вот таким криком с утра пораньше он задал тон всей неделе – и не самый позитивный.

По дороге к своему столу я мельком взглянула на конференц-зал, который своими стеклянными стенами напоминал аквариум. Там Колин обычно давал кому-то взбучку. Если только речь шла не об увольнении. В таком случае тебя приглашали в одну из приватных комнат для переговоров в сопровождении начальников отдела кадров и юридического отдела. Затем под охраной выводили из здания, а потом еще нужно было отправить сюда кого-нибудь за коробкой с вещами.

Поэтому я знала, что кто бы ни взбесил начальника сегодня утром, все не так плохо. Я не понимала всех слов Колина, только «тупой, дремучий придурок» и «хотел угробить всю фирму» – но это его обычный лексикон. А вот что меня действительно удивило, так это его жертва.

Колин ходил туда-сюда, как всегда, когда кого-то отчитывал, прямо подпрыгивая на пятках. Все его низенькое коренастое тело буквально тряслось от гнева, скулы дрожали: он выглядел прямо как какая-то разъяренная лягушка. Даже смешно, при условии, что предмет всего этого гнева – не вы.

Человек, кому вся эта тирада была адресована, напротив, был абсолютно спокоен. Он стоял спиной к стеклянной стене, не позволяя никому увидеть свое лицо и этим сохраняя свое достоинство. Но я бы узнала эту спину где угодно. Больше никто не отличался таким высоким ростом и крепкими, широкими плечами, облаченными в безупречный итальянский костюм, а также стильно уложенными, блестящими темными волосами.

Несколько месяцев назад Ренцо переманили из конкурирующего фонда, и до сегодняшнего дня он был «голубоглазым парнем»⁷ «Колтон Кэпитал». Ему поручили вести портфель акций стоимостью пятьсот миллионов фунтов – серьезная сумма для новичка, при этом еще устойчиво, а зачастую и поразительно возрастающая. Иногда я позволяла се-

⁷ Человек, который заслужил особое к себе расположение за свои заслуги (сленг).

бе с легкой завистью думать о размере его вознаграждения и представлять, на что я бы его потратила. Внесла бы первый взнос за квартиру – хотя зачем, я смогла бы сразу ее купить. Еще хватило бы на то, чтобы закупиться обувью на несколько лет, поехать в роскошный отпуск и машину купить при желании. Свозила бы бабушку на Багамы, хотя, по-моему, она предпочла бы Блэкпул.

А иногда я позволяла себе на пару минут помечтать и о самом Ренцо. О том, как бы эти широкие, крепкие плечи выглядели без строгого скрывающего их костюма. О том, действительно ли его волосы такие шелковистые, какими они выглядят. И будет ли он в постели таким же агрессивным и опытным, как на работе.

Но как только мои мысли уносились в этом направлении, я тут же себя одергивала. Я знала, чем это могло закончиться, и видела это на примере Лариссы, которая допустила ошибку и переспала с одним из портфельных менеджеров. Он больше с ней не разговаривал, в отличие от ее коллег. На самом деле они делали ставки на то, с кем из них она переспит в следующий раз. В итоге Ларисса не выдержала и уволилась. Я знала, что ничего хорошего из мечтаний о Ренцо не выйдет, да и не только о нем, а вообще о любом из этих яростно амбициозных и накачанных мужчин в костюмах, которые самодовольно прохаживались по «Колтон Кэпитал», соревнуясь и бравируя своей маскулинностью и успешностью так же нахально, как своими дорожными ко-

жаными ботинками. Мужчины, с которыми я работала, были для меня строго под запретом.

Однако и Ренцо, и остальным приходилось дорого платить за свой огромный доход. И дело даже не в жестком графике и мысли о том, что рано или поздно их тоже вызовут в «аквариум» и отчитают, а в постоянном напряжении от осознания того, что каждый день они весьма успешно спекулируют миллионами фунтов, но рано или поздно все равно проигрывают. Даже с безукоризненными количественными данными от научного аналитика и полной уверенностью том, что ты знаешь рынки, с которыми работаешь, вдоль и поперек, ты рискуешь ничуть не меньше, чем поставив все свои сбережения пятьдесят к одному на коня-аутсайдера в «Гранд-Нэшнл» просто потому, что у него прелестные висячие ушки и тебе его жалко. Я это знала, да и они тоже. Отсюда и вытекали все их шуточки и хвастовство, эта безжалостная брутальность, из-за которой по дороге к своему месту я чувствовала себя в окружении чистого тестостерона.

Я поставила сумку и включила компьютер. Мне жутко хотелось кофе, но по пути на кухню пришлось бы снова пройти «аквариум». Вместо этого я решила заняться презентацией для Пирса, которую нужно было закончить до сегодняшнего вечера. Предстояло много работы, и мысленно я уже готовилась к ланчу за компьютером и позднему уходу.

Когда я открыла файл в PowerPoint, стеклянная дверь распахнулась и появились Ренцо и Колин. Лицо Колина было

потным и пунцовым, на лбу вздулась вена. Я всегда боялась, что однажды на очередной взбучке он перегнет палку и просто рухнет замертво. А Ренцо, наоборот, вышел с каменным выражением лица – как будто они с Колином погоду обсуждали или там крикет. Когда он проходил мимо меня, я старалась учтиво смотреть в сторону, но он все равно поймал мой взгляд и будто бы даже подмигнул – отчего я, конечно же, сразу покраснела.

До ланча я успела подредактировать свои круговые диаграммы и исправить самые зашкаливающие примеры из эксцентричного лексикона Пирса. И когда я думала, воспользоваться ли «поиском по тексту» и заменить все «покамест» на «в то время как», я почувствовала, что рядом кто-то стоит.

Я подняла глаза и увидела не просто кого-то, а сразу двух человек: Брайони, одну из трех старших помощников Колина, и Ксандера, очередного новенького, я не знала, чем именно он занимается.

– Привет, – сказала я, – что такое?

– Я хотела попросить твоей помощи, – сказала Брайони.

– Упс, – сказал Ксандер, – я тоже. Но я вижу, что ты занята, так что...

Я посмотрела на свой экран, потом на эту парочку, мысленно прощаясь с ланчем и походом в фитнес-клуб по дороге домой.

– Слушаю, – сказала я, – кто был первым?

– Ты, – сказала Брайони Ксандеру.

– Нет-нет, – ответил он, – после тебя. Я настаиваю.

– Ладно, – сказала Брайони, – спасибо. Шарлотта, тут просто Светлана звонила. Она с ума сходит из-за вечеринки в честь дня рождения Люсинды и попросила меня встретиться с ней и все это обсудить. Все остальные очень заняты: Крейгу пришлось в последнюю минуту искать место для проведения той вечеринки, а Элис организует поездку в Силверстоун.

– А что мне нужно сделать? – перебила я.

– Сделай, пожалуйста, заказ в «Окадо», – ответила Брайони, – я бы подождала до завтра, но у нас почти закончился копченый лосось, а ты их знаешь...

Я знала. Если бы холодильник не ломился от высококачественного белка, они бы забастовку устроили. Это было почти так же ужасно, как если бы у нас заканчивался кофе (любимый всеми «Эл Сальвадориан» специальной обжарки, вместо которого пришлось бы пить «Нескафе», как нормальным людям). Я также знала, что на оформление этого заказа в «Окадо» уйдет большая часть дня и моего терпения, но выхода не было. Хотя бы не придется устраивать вечеринку в честь дня рождения пятилетней дочери Колина, считаясь с заоблачными требованиями его жены.

Да и вообще, Светлана прекрасно устроилась. Классическая история «из грязи в князи». Хотя, конечно, не совсем из грязи, все-таки она работала в мужском отделе «Харродс». Однажды, десять лет назад, Колин повез клиентов на ланч в «Галвин эт Уиндоус», и во время еды, или точнее, перво-

го блюда – история богата деталями, – Колин пролил гапачо на свой галстук Dolce & Gabbana (вот вам уже первая подробность). И чтобы не упасть лицом в грязь на следующей встрече, Колин забежал в ближайший магазин за новым галстуком, увидел Светлану и влюбился с первого взгляда.

На самом деле это очень убедительная история, поскольку, во-первых, все, кто хоть раз ходил на ланч с Колином, знают, что он не в состоянии доесть ни одно блюдо, не выглядя при этом так, будто только что подрался с тарелкой; а во-вторых, потому, что Светлана была нокаутирующе красивой – и это факт, с которым никто не поспорит. Двухметрового роста – ну или, во-всяком случае, мне так казалось, – с острыми, как бритва, скулами, волнистыми черными волосами и фигурой, достичь которой стоило ей немалого труда и поддержание которой требует не меньшего труда хирургов на Харлей-стрит. Кроме того, еще и голос с хрипотцой и русским акцентом, в котором мужчины, по-моему, слышали даже не «Иди в кровать», а «Ну-ка забирайся на кровать и подай мне весло для порки»⁸. Сейчас же».

Тем не менее правдой – или тем, что все считали правдой, но при других называли враньем, притворяясь, что верят во всю эту историю с галстуком, – было то, что Колин нашел Светлану через какое-то элитное эскорт-агентство с особыми услугами. С этого момента история размывается, да и честно говоря, мне никогда не хотелось услышать всю эту

⁸ БДСМ-аксессуар.

(якобы) правдивую историю целиком. Этот человек – мой босс, и мне меньше всего хотелось представить его перевязанным, как рождественского гуся, и... Хотя иногда мне кажется, что эта сумасшедшая картинка очень помогла бы его подчиненным, окажись они в «аквариуме» с вопящим Колином наедине.

Из своей прошлой карьеры у Светланы осталось – или всегда было – умение запугивать всех, кто имел с ней дело, но при этом с почти магнетическим шармом. Я знаю это, потому что вскоре после того, как начала работать в фонде, Брайони ушла в декрет и я присоединилась к другим помощникам Колина и помогала Светлане организовывать вечеринку-сюрприз в честь его пятидесятилетнего юбилея. Знаю, звучит безумно, но так все и было. Фонд принадлежал Колину, но Светлана и к тому же их четверо детей (а также трое детей Колина от прошлого брака и двое от позапрошлого) могли рассчитывать на его подчиненных и свободно ими распоряжаться. Конечно, мы знали и заранее согласились на то, что организуем эту вечеринку в тайне от Колина, но в итоге нам пришлось заниматься всем этим одновременно с ежедневным объемом работы.

Это было жестко. По сравнению с этим хаос и «статья 50», когда объявили дату выхода Великобритании из Евросоюза и никто не знал, что теперь ждать от биржи, а я работала с ночи до утра, заказывала надувные матрасы, чтобы нам было где спать, и бесконечные сашими из «Нобу», было просто

уик-эндом с походом на педикюр.

Поэтому я ответила Брайони:

– Конечно, без проблем, предоставь это мне. Скажи, если понадобится помощь с вечеринкой. – Мы посмотрели друг на друга с сочувствием, и она поспешила прочь. И тогда я посмотрела на Ксандера: – Чем могу помочь?

Как я уже и сказала, в чем состояла работа Ксандера, я не знала. Он был экономистом и работал во Всемирном банке, пока Колин не выманил его обещаниями более заманчивых задач и гораздо более заманчивых денег в обмен на его опыт работы с развивающимися рынками. Он объездил весь мир – работал в Южной Америке, Азии, на Среднем Востоке и совсем недавно – в Вашингтоне (я все это знаю, потому что несколько недель назад Пирс скинул мне его резюме со словами: «Вот, добавь все это на сайт, ладно, дорогуша?»).

Через пару дней после того, как его резюме оказалось у меня на столе, Ксандер появился в «Колтон Кэпитал» собственной персоной, и с того времени бегают туда-сюда со своим ноутбуком – сегодня он с аналитиками, завтра с количественными аналитиками или трейдерами – и повсюду сеет за собой хаос. Если вдруг сработала пожарная сигнализация, это точно значит, что Ксандер забыл свой тост на кухне (он вегетарианец и сторонится высококачественного белка). Когда он мне об этом сказал, я тут же предложила организовать регулярную поставку дорогого и вонючего сыра «Пакстон энд Уитфилд». Но он отказался, сказав, что во время

ланча лучше погуляет по Лондону, потому что раньше никогда здесь не жил. Я взглянула на него, как бы подразумевая «ты что, правда надеешься, что успеешь выйти куда-то на ланч?» Но в ответ он просто улыбнулся и пошел заварить себе чашку чая. Правда, по пути налетел на стол Павла, почти смахнув банку «Ред Булла», и даже не заметил убийственно-го взгляда нового коллеги.

– Я опять потерял свой пропуск, – виновато сказал Ксандер, – наверное, оставил где-то в метро. Уверен, что утром, выходя из квартиры, взял его с собой. Купил круассан в «Пр-эт»; наверное, там его и оставил. К счастью, Ренцо пришел сюда одновременно со мной, иначе я стоял бы у двери, как дурак.

Мысленно я напомнила себе предложить Марго, моей начальнице, когда мы переедем в новый офис на два этажа выше, в котором сейчас проходит дорогой ремонт, попробовать заменить карточную систему на пароли. Хотя я знаю, что даже тогда Ксандер, несмотря на то, что у него мозг размером с планету, забудет пароль. К тому же он будет меняться каждую пару дней, чтобы не нарушить систему безопасности. Может, лучше предложить биометрику? Отпечатки пальцев даже Ксандер не забудет.

– Хорошо, сделаю тебе новый, – сказала я, – это какой, уже четвертый за два месяца? Ты в ударе.

– Прости, Шарлотта.

Я улыбнулась.

– Да ничего. Только придется заплатить.

Ксандер поднял брови. Я заметила, что у него красивые глаза за очками. Раньше я не особо обращала внимание на его внешность. В своем поношенном твидовом пиджаке он терялся на фоне своих коллег с их стильными костюмами и дорожными стрижками.

– А что случилось, почему Ренцо и Колин были в аквариуме? – понизила я голос.

Я заметила еще кое-что в Ксандере. Несмотря на то, что он начал работать в «Колтон Кэпитал» совсем недавно, он словно держит руку на пульсе всех событий. Ему все рассказывают. Только недавно я видела, как они с Брайони говорили на кухне о ее дочке, которой всего лишь годик и которая все время будит ее в три часа ночи – и как Брайони от этого устает. Я вошла на ее словах: «Хоть бы она оставила мою грудь в покое и дала мне выспаться». А Брайони вообще никогда не говорила в офисе о своем материнстве, считая, что такое на рабочем месте не обсуждают.

Я подумала, что уж Ксандер-то точно будет знать, в чем Ренцо прокололся, что бы это ни было.

– Ах да, Ренцо свозил клиента в «Газлайт», – ответил он.

Настала моя очередь поднять брови, ну или хотя бы попытаться, не уверена, что у меня получилось.

– И?

Не то чтобы я это поддерживала, но развлекать клиентов в стрип-клубах – или «Клубах джентльменов», как говорилось

на их сайтах, когда я бронировала вип-комнаты для Пирса, – было самым обыкновенным делом для «Колтон Кэпитал» (хотя не вижу ничего «джентльменского» в том, чтобы платить за то, чтобы уткнуться в накачанную силиконом грудь какой-то стриптизерши).

– Новые правила, – сказал Ксандер, – судя по всему, управляющая портфелем, которая недавно уволилась, кажется, ее звали Ларисса, подала в суд и обвинила компанию в дискриминации по половому признаку. Тогда всем сказали завязать с подобными развлечениями. Ну а Ренцо, видимо, не врубился.

Так вот почему Ренцо подмигнул мне по пути из «аквариума», этим он как бы говорил: «Смотри, какой я плохой мальчик – нарушаю правила ради голых женщин, извивающихся на шесте за деньги. И он даже уволить меня не может, потому что я так крут на работе». Хотя это совсем не объясняет того, как Колин собирается преподавать свои отношения со Светланой в новом «белом и пушистом» свете.

– Ясно, – сказала я, – интересно. Запомню.

На секунду он замолчал, а потом сказал:

– По-моему, это правильно, если хочешь знать мое мнение. О таком сейчас почти ни на какой работе и не думают. Это как привет из восьмидесятых, когда такие развлечения для клиентов были в моде. Но, судя по всему, здесь так не считают.

Мне хотелось дипломатично пожать плечами и промол-

чать, но я не смогла.

– Согласна.

Затем я вручила Ксандеру его новую пластиковую карточку и отправила сообщение на общую почту о том, что принимаю заказы для «Окадо» до четырех. Мысленно я уже готовилась к тому, что почта взорвется от заказов освежителей воздуха «Фибриз», лангустов, геля для бритья и водки «Грей Гуз».

Глава 4

«Снова привет, красотки, и с возвращением! Сегодня я приглашаю вас поучаствовать во втором челлендже – и это будет просто жест! Не хочу врать, я нервничаю, но в то же время и дожидаться не могу. Ведь суть в том, чтобы быть дерзкой, дать волю своей “дикой” натуре, ну и позитить немного, черт возьми – а может, даже и по полной.

Постараюсь объяснить. Когда я была подростком, была такая поговорка: хорошие девочки отправляются в рай, а плохие – куда хотят. Как раз об этом все мои подкасты. Быть плохой девочкой не в том смысле, чтобы совершать плохие поступки или, еще хуже, быть плохим другом, а в том, чтобы идти куда хочется. Расправить крылья. Перестать говорить «нет» (конечно, в определенных случаях говорить «нет» не только нормально, но и правильно, но об этом позже).

Итак, сегодня я начну новый челлендж и попробую кое-что новое. Вы со мной?»

Я приподнялась в кровати и поправила подушки за спиной, при этом жалея, что не заварила себе чашечку чая до того, как включила новый выпуск подкаста. Но раз уж я начала, то хочу узнать продолжение: что эта Плохая Девочка приготовила для себя и – глубокий вдох – для меня.

Я послушала, почему она решила расширить свои горизонты и познакомиться с новыми людьми.

«Моя подруга Эшли около года назад абсолютно случайно решила пойти на вечеринку свингеров, и теперь она там как рыба в воде. И я смогу! Ха-ха – ну кого я обманываю? Я-то уж точно не смогу. Но есть столько других способов расширить горизонты».

Значит, Плохая Девочка решила начать с довольно безобидного. Может, попробовать заняться чем-нибудь новым, вступить в какие-нибудь клубы (хотя, наверное, не в свинг-клубы) или хотя бы просто пойти в какое-нибудь новое место в своем же городе. Ведь даже если она и не встретит любовь с первого взгляда, то все равно станет более интересной версией самой себя и обзаведется кучей захватывающих историй, которые сможет рассказать друзьям.

Конечно, со стороны все это звучит довольно предсказуемо, но меня все равно восхищает Плохая Девочка, и я жду продолжения ее истории. Мне нравится ее живость и решительность. В чем-то мы с ней даже очень похожи: у нее тоже есть любимая работа, на которую она тратит кучу времени и сил, хотя и не говорит, где работает. Она живет в престижной части города и весомую часть зарплаты тратит на одежду, а потом волнуется, что ей некуда все это надеть.

Но в отличие от меня она меняет свою жизнь, выталкивает себя за пределы зоны комфорта, готовясь к возможному провалу и отказу, но при этом не отчаиваясь.

Она была такой же, как я, только смелее.

И, может быть, если бы я сделала то, что она говорит, и решилась на челлендж, мне бы перепало хоть немного ее храбрости. Итак, я открыла социальные сети и стала искать какие-нибудь группы или события поблизости. Их оказалось целое множество, что неудивительно – в нашем уголке восточного Лондона полно всяких комьюнити. Однако большинство из них не казались мне многообещающими. Не думаю, что там можно было бы развлечься, найти горячих парней или хоть кого-нибудь, с кем можно было бы пофлиртовать на Принс Джордж, перебрав вина.

В местной церкви по субботам проводили хор для родителей с малышами. Идеально, если бы я искала заботливого одинокого отца с грустным взглядом – только я не из тех, кому это нужно. Еще была мастерская по ремонту мебели – вроде бы очень интересно, только мне нечего ремонтировать. А также скоро начинается курс по изготовлению чучел, но на это я даже ради Плохой Девочки не пойду.

Я почти сдалась, но вспомнила строгую инструкцию из подкаста:

«Давай, девочка! Я знаю, что ты справишься! Поищешь немного в интернете и скажешь: “Ну не, зачем мне вся эта хрень? Отложу до следующей недели”. Нет. Не. Отложишь. Пойдешь и сделаешь это, потому что я так говорю и потому что я тоже так сделаю. А все, что могу я, можешь и ты, только лучше, правильно?»

Ладно. Я пообещала себе, что выберу любое мероприятие, которое появится следующим – первое попавшееся. Я прокрутила вниз – текст на экране пробежал так быстро, что весь размылся, – и как только он остановился, я кликнула.

Черт. Беговой клуб.

На странице была надпись «Бегуны из Хакни». «Это не группа ежедневного бега или бега на время. Мы небольшая местная команда, дружелюбная до безумия, мы рады бегунам любого возраста и возможностей. Регистрироваться не нужно – просто забегайте к нам в трениках и с тягой к приключениям».

Начало в девять, а на часах только восемь. Значит, не получится даже отговориться тем, что опоздаю, особенно учитывая то, что они буквально на моей улице. Я неохотно вылезла из-под одеяла и открыла шкаф в поисках спортивного бра.

– Ну что, Плохая Девочка, как бы тебя там ни звали, если все пойдет черт знает как, виновата в этом будешь только ты, – сказала я вслух.

* * *

Через два часа я доковыляла до кухни. Я не видела Тэнси ни разу за целую неделю со дня ее приезда. Не так уж и странно, потому что обычно я выходила из дома не позже половины седьмого. К тому же на этой неделе пару дней ра-

ботала сверхурочно, ездила домой к Мэдди и Генри (мы заказывали пиццу) и наконец-то выбралась на пилатес. Наверное, и Тэнси тоже была занята: оттачивала свою идеальную фигуру в фитнес-клубе; встречалась с Трэвисом, кто бы он ни был; и, без сомнения, работала на своей до зависти гламурной работе в сфере моды.

Иногда вечером из-за закрытой двери ее спальни доносилась тихая музыка. На смену запаху косметики Мэдди в ванную пришел другой, более терпкий запах. Однажды вечером я вернулась и обнаружила в стиральной машине кучу сырой чистой одежды. Однажды утром я увидела в коридоре пару огромных коробок с адресами Корнуолла на ярлыках – скорее всего, Тэнси хотела занести их на почту по дороге на работу. Кажется, на кухню она вообще не ходила, даже чай не заваривала, но то же можно было сказать и обо мне. Хотя бы я знала, что она не переехала и не лежала мертвой в своей комнате, как та бедная женщина из документалки «Мечты о жизни», которую я смотрела, еще учась в университете.

Но сегодня воскресенье, и она сидела на кухне и ела тост. Я осознала, что мысленно превратила ее в какую-то таинственную, ароматную богиню и надумала себе, что вообще недостойна жить с ней в одном доме (не говоря уже о том, чтобы разделить шоколадные мини-рулеты). Но сейчас, в своих белых джинсовых шортах и футболке из искусственной замши, она казалась такой обычной – хоть и очень красивой, конечно. Увидев меня, она уронила тост, и он упал на

пол джемом вниз.

– Боже, Шарлотта, что случилось? – ахнула она. – Ты в порядке? Может, вызвать полицию?

Я с трудом выдавила из себя смех.

– Может, и стоит. Но только чтобы сообщить, что хреновы «Бегуны из Хакни» нарушили Закон о защите прав потребителей.

– Что?

– Я попыталась «расширить свой кругозор», – сказала я, изображая в воздухе кавычки, – попробовать новое хобби. Вот сегодня пошла в беговой клуб. Знаю, можно было найти что-нибудь получше, да и я в ужасной форме – сама виновата. Но они так дружелюбно сказали, что это не важно, что они рады бегунам любого уровня подготовки. Вот только забыли отметить, что сегодня у них тренировка по подготовке к «Таф Мэддер»⁹.

– Что?

– Ага, я тоже понятия не имела, – сказала я, – загулила по дороге домой. Это такое сумасшедшее соревнование, где зацикленные на фитнесе мазохисты ныряют во всякие водоемы, пробираются через боевые сети и занимаются прочими дурацкими, бессмысленными и болезненными вещами.

– Звучит забавно.

⁹ «Таф Маддер» (*англ.* Tough Mudder) – спортивное соревнование на выносливость, где участники проходят дистанцию 16–19 км с препятствиями военного типа.

– Нет, – ответила я, – это вообще не забавно. Поверь мне. Посмотри на меня. А это ведь даже не было само соревнование.

Тэнси посмотрела на меня, и было видно, что она старается не засмеяться. Представляю, на что я была похожа: в грязи с головы до ног, а еще с брызгами грязи на лице – я чувствовала, как они засыхают, словно какое-то стремное средство для сужения пор. Моя майка порвалась в дюжине мест после того, как я пробиралась под колючей проволокой. Легинсы тоже порвались. А еще я содрала кожу на коленях.

– Но ты хотя бы познакомилась с кем-нибудь? – спросила Тэнси.

– Нет! Конечно же, нет. Хотя мужчин там было больше, чем женщин. Но все они из тех самых чокнутых качков, которые считают, что жим лежа, бег по горному бездорожью и прочая хрень – это нереально круто. И они еще все такие позитивные. Ты бы видела, как перед тренировкой они подпрыгивали на носочках и шутили, как будет больно. Придурки, помешанные на фитнесе. А женщины еще хуже. Все такие сияющие и веселые, даже в конце, когда все они были потными и грязными. К тому же, – продолжила я, – чтобы добить меня до конца, там были душевые кабинки и очень симпатичное кафе с горячим завтраком – но на странице в социальных сетях об этом не было ни слова, и, следовательно, я не взяла с собой никакой сменной одежды. Поэтому, даже если бы мне и захотелось пофлиртовать с каким-нибудь

Терминатором за чашечкой кофе – ничего бы не вышло, потому что от меня несет козыими какашками.

– Ну, мне не хотелось об этом упоминать, но от тебя действительно немного пахнет. Я не знала, что в Лондоне есть козы.

– Вот и я не знала, – ответила я угрюмо, – но оказывается, здесь есть так называемые городские фермы, куда родители возят детей за глотком свежего воздуха и минуткой на природе – так вот это она и была. И там были козы.

Тэнси снова поморщилась.

– А еще я все время была самой последней, – продолжила я, – поэтому некому было даже помочь мне пробираться под этими дурацкими препятствиями – или над ними, – пока те, кто был впереди, не догнали меня по второму кругу. Да и они все были такие спортивные и быстрые, что мне даже не хотелось просить их о помощи, и когда они сами ее предлагали, я отвечала, что все в порядке. Нет, конечно. Я чуть не расплакалась, когда дошла до первого круга и поняла, что должна пройти опять все с начала.

– Да я бы разрыдалась, – сказала Тэнси, – не понимаю, почему ты просто не бросила все это. Почему? Я бы так и сделала. Села бы, разрыдалась, а потом один из этих горячих качков остановился бы и спросил, что не так...и...

– И, – продолжила я, – даже если бы один из них остановился, что далеко не факт, если только ради тебя, а не меня, он бы сказал: «Давай! Победитель никогда не трусит, а трус

никогда не побеждает», или: «Когда-нибудь это покажется тебе простой разминкой».

– Даже лежа лицом в грязи, нужно тянуться к звездам, – добавила Тэнси.

– Ничего не приходит просто так.

– Точно! Придурки.

– Ненавижу их всех – и каждого стройного и целенаправленного качка в отдельности.

– Знаешь что, – сказала Тэнси, – давай ты сходишь в душ, я кину твою одежду в стиральную машину – все равно у меня куча вещей накопилась, – а потом мы пойдем и закажем себе огромный бранч, с беконом, слойками и просекко.

– Классная идея, – сказала я, – Мэдди говорила, что в кафе поблизости делают вкуснейшие бранчи, а еще им только что выдали лицензию на продажу алкоголя. А насчет стирки даже не беспокойся, все это можно отправить прямиком в мусорное ведро. Эти легинсы и так были слишком узки в промежности. Я уже почти забыла, почему так давно не занималась никакими упражнениями, – теперь вспомнила.

Затем я приняла душ, оделась, и мы с Тэнси пошли в «Дэйли Грайнд», правда, его закрыли для проведения мероприятия, судя по всему, какая-то знаменитость, Джемма Грей, подписывала там книги – и вокруг толпилась куча девочек-подростков. Тогда мы спустились в метро и поехали в центр города. Заказали себе чай матча, дамплинги ¹⁰ и все

¹⁰ В английском языке и англоязычной кулинарной терминологии обобщающее

такое – было так классно, что я даже забыла, что с нами никто не флиртует.

И если приезд Тэнси был довольно эксцентричным (ну во всяком случае для меня; моя жизнь не богата событиями), то приезд Адама был полностью противоположным. Вчера дверь в комнату Генри была открытой и внутри никого не было. На следующий день я вернулась с работы и увидела дверь закрытой, а внутри, судя по всему, уже был Адам. Вот и все. Больше никаких знаков. Только закрытая дверь.

И так продолжалось несколько дней. Иногда по ночам я просыпалась от звуков его передвижений по дому: шума воды в раковине на кухне, шагов по деревянному полу, смыва воды в унитазе или плачущей микроволновки.

– Как будто у нас в доме завелось привидение, – пожаловалась я Мэдди и Генри в их местном пабе, – и даже не какой-нибудь там прикольный полтергейст, который вещи разбрасывает или что-нибудь в этом духе, а такое мрачное привидение, которое тебя преследует.

– Скучный призрак, – ответил Генри, – да, это похоже на то, каким я помню своего двоюродного брата, Адама.

– Думаю, я с ним еще вообще не встречалась, – сказала Мэдди.

– Встречалась. Помнишь, он был на свадьбе Джеймса? – спросил Генри.

Мэдди ответила, что вообще не помнит свадьбу его бра-

та. Это было так давно, к тому же она так волновалась перед встречей с его семьей, что выпила полторы бутылки просека и пошла спать прямо после танцев, и даже пропустила, когда невеста бросала букет.

– Но вроде бы ничего страшного, ведь через неделю ты все равно сделал мне предложение, – сказала Мэдди, и они посмотрели друг на друга – так долго и значительно, что мне стало немного неудобно и завидно, но в то же время я была так за них счастлива.

– Ты даже танцевала с ним, – напомнил ей Генри, – прямо перед тем, как упала в пруд с рыбками. Этого ты точно не могла забыть.

– О боже, не надо. Только не про тот дурацкий пруд. Жуть. Генри сказал, что не хотел напоминать ей о пруде, только об Адаме, и пару минут они мило пререкались.

Потом Мэдди сказала:

– погоди, кажется, я его вспомнила! Высокий такой и даже красавчик, но ботаник до мозга костей. Темные волосы, очки, борода? Ни слова не может сказать, при этом не краснея и не запинаясь?

– Он самый.

– Хорошо, значит, если однажды я обнаружу на кухне темноволосого бородатого чувака, полицию вызывать не нужно. Но серьезно, он вообще из комнаты не выходит. И Тэнси не лучше. Каждую ночь закрывается у себя и, судя по всему, общается с семьей по FaceTime. Наверное, она из семейки

Аддамс, раз до двух ночи не спит. Как будто я в морге живу. Очень скучаю по вам, ребята, – сказала я.

– Мы тоже по тебе скучаем, – утешила меня Мэдди. И потом, когда Генри пошел заказать еще пару напитков, мы обнялись.

Я знала, что это правда – в каком-то смысле. Но при этом для нее это было по-другому. Мэдди начала новую жизнь, планировала свадьбу, ремонтировала кухню, и, кто знает, может через пару месяцев она скажет мне, что ждет ребенка. И даже если что-то вдруг пойдет не так, скажем, Генри бросит ее перед алтарем и она вернется в свою старую комнату (конечно, я никогда бы не пожелала такого своей лучшей подруге), но даже тогда все будет по-другому.

Я немного поностальгировала. Вспомнила, как мы с Мэдди сидели на кухне субботними вечерами, пили чай, красили ногти и сплетничали, пока Генри смотрел футбольные матчи в пабе. Как мы объявили вечер вторника «вечером белого вина» и «еды на дом»: обедались куриной тикка масала и лепешками наан из «Королевы Кашмира», болтали о политике и о том, как изменить мир. Мы всегда знали, когда кто-то из нас хочет поговорить, а когда – побыть в одиночестве.

Но потом я вернулась в настоящее и спросила, как продвигается их подготовка к свадьбе.

– Ничего авантюрного, – ответил Генри, – шатер в саду у родителей, венчание в местной церкви, не больше ста пятидесяти гостей. Это будет за неделю до Рождества, и все уже

устанут от застолий.

– Мы просто хотим избежать стресса, – сказала Мэдди, – хотя уже на этой неделе надо будет разослать всем приглашения, и...

Она понизила голос и сказала мне тихонько на ухо (при этом Генри тактично встал и вышел в туалет):

– В Брайтоне есть дизайнер платьев. Я видела одно из ее творений в свадебном журнале – не думай, я не обложилась ими со всех сторон, не смотри на меня так, – и они чудесны. Сказочное платье, с кружевами, тюлем, жемчугом, просто... ах!

– Звучит здорово, – сказала я, – значит, хочешь купить платье у нее, да?

Мэдди засмеялась.

– Если бы все было так просто! У нее все уже давно расписано на несколько месяцев вперед. Но я начала доставать ее в социальных сетях, кажется, одна из невест отказалась, и у нее освободилось время на завтра. Я позвонила, и она сказала, что постарается сделать платье вовремя. Генри не знает, но я взяла завтра выходной и поеду к ней. Ты же со мной, да?

Она выжидательно посмотрела на меня, а я вспомнила флешку, которую Пирс бросил мне сегодня на стол со словами: «Это презентация, которую я делаю для «Скайбридж» в Нью-Йорке. Посмотришь, ладно? Может, «причешешь»

немного? Только понадобится завтра, до ланча».

Если уж Пирс поручает кому-то исправить свою работу, то это, по его меркам, огромная честь. В обычный день я бы осталась в офисе до вечера и уделила его презентации несколько часов, но я не хотела разочаровывать Мэдди и Генри. И вместо этого решила приехать на работу завтра в семь часов утра.

– Мэдди, ты знаешь, как бы мне хотелось, но...

– Ну пожалуйста! Притворись, что заболела, ну хоть раз. Будет так здорово.

Я покачала головой.

– Не могу. Пирс дал мне эту флешку на редактуру, и это срочно, и...

Она закатила глаза.

– У этого чопорного придурка все срочно. Он тебя за дуру принимает.

– Да, наверное, но это моя работа, чтобы он мной пользовался. Извини, дорогая, но я не могу. Может, ты договоришься с этой, как ее зовут, на другое число?

– С Кончитой Вилламорой? Я же говорила, у нее все расписано на год вперед. Не важно, я постараюсь договориться с Бьянкой.

Но я хорошо знала Мэдди. Что бы она ни говорила, нравилось ли ей выбирать платья с сестрой Генри или нет, это было очень важно для нее. Она обиделась и разозлилась, и я

чувствовала себя ужасно из-за того, что так ее подвела. Хотя понимала, что у меня не было выбора.

Потом мы снова выпили и разделили порцию путіна¹¹ (Мэдди сказала, что это блюдо сейчас мировой тренд, но мне оно напомнило картошку фри с подливкой, только хуже той, что готовили в кафешке на углу, где я выросла). Но все это время я думала о том, что еще час добираться до дома, а завтра вставать в полшестого – и поэтому постоянно зевала и смотрела на часы.

Затем я извинилась, поехала домой и по дороге из ванной случайно натолкнулась на Адама.

Во всяком случае, я предположила, что темноволосый бородатый незнакомец на лестнице и есть Адам. Если только Тэнси не привела домой какого-то чувака – может, даже и таинственного Трэвиса. Розы уже давно завяли, Одетта выбросила их в мусорку, а от него больше ни весточки. А может, к нам ворвался грабитель, который ходит в туалет с ноутбуком.

– Привет, – поздоровалась я, – меня зовут Шарлотта.

Они с Генри были двоюродными братьями, так что внешнего сходства можно было не ожидать. Его и не было. Адам был такой же долговязый, как Генри, и так же сутулился, как будто боялся задеть что-то головой, но на этом их сходство

¹¹ Путін (*фр. Poutine*) – национальное квебекское блюдо быстрого питания, состоящее из картофеля фри, посыпанного молодым рассольным сыром (*cheese curds*) и политого слегка подслащенной гарнирной подливкой.

заканчивалось: у него не было и капельки самоуверенности Генри. Он щурился, краснел и сторонился меня.

– Ты же Адам, да? Рада наконец-то с тобой познакомиться. Я только что виделась с Мэдди и Генри. Они передавали тебе привет, – сказала я, хоть это и не было правдой.

– О, эм, ну тогда, наверное, им тоже привет.

Я так и не поняла, кому было адресовано это приветствие – мне или как-то мысленно Генри и его невесте. Да и слишком устала, чтобы стоять там и пытаться завязать разговор с этим немногословным незнакомцем.

– Я пойду спать, – сказала я, – завтра рано на работу.

И смотрела, как Адам повернулся, пошел к себе и закрыл дверь.

Глава 5

Той ночью я ужасно спала, да и следующей тоже. К беспокойству из-за работы и того, что я подвела Мэдди с ее свадебными планами, прибавились непривычные звуки от пребывания в доме Тэнси и Адама. Не громкие, просто непривычные. Иногда у Тэнси играла музыка по ночам, конечно, далеко не такая громкая, чтобы захотелось постучаться и попросить сделать тише, но ее тихие звуки все равно проникали через стену. Иногда я слышала, что Тэнси говорит по телефону. Я никогда не звонила друзьям так поздно просто поболтать, так что это казалось мне довольно странным. У нас были толстые стены, они не позволяли разобрать отдельные слова, но голос Тэнси становился то громче, то тише, выдергивая меня из полусна. Уверена, что и Адам ее слышал. До меня доносился скрип, скорее всего, от колесиков офисного кресла по деревянному полу. А еще иногда он очень громко ходил по комнате. «Такой худышка, а топает как слон», – думала я, закрывая уши подушкой и пытаюсь заснуть.

Наверное, сработало, потому что в субботу я проснулась от кошмара: я ехала на свадьбу Мэдди и Генри, только почему-то пыталась добраться до юго-востока Лондона сначала на одном, потом на другом поезде, а потом еще и на автобусе. Потом поняла, что села на поезд до Брайтона, а мне нужно успеть забежать в магазин Кончиты Вилламоры и за-

брать свадебное платье для Мэдди. А времени-то все меньше и меньше, Мэдди нечего будет надеть, и она никогда меня не простит. Конечно же, когда до меня дошло, что это был просто сон, я уже не могла заснуть.

В жутком настроении и с красными глазами я спустилась вниз и поставила чайник. Для субботы ужасно рано – даже семи не было, – и мои соседи спали. Неудивительно: они, судя по всему, до утра бодрствовали.

Грядущие выходные казались безрадостными. Конечно, можно сходить на фитнес или пилатес. Я знала, что это поможет, но чувствовала себя настолько паршиво, что не могла себя заставить никуда пойти. А к дурацким «Бегунам из Хакни» я ни за что не вернусь. Можно пойти в офис и начать редактировать очередную презентацию от Пирса. Но от одной мысли о том, что мне придется снова часами смотреть в монитор, хотелось кричать. Или доехать на автобусе до торгового центра «Вестфилд» и походить по магазинам. Вот только вчера я уже купила в интернете уцененную, но все равно дорогущую обувь, и повтора моя кредитная карточка уже не переживет.

Я плюхнулась на кровать с чашкой чая и какое-то время переключала каналы по телевизору, копалась в интернете на телефоне и в то же время машинально съела четыре тоста с арахисовой пастой. И – ну это не новости – из-за этого почувствовала себя еще паршивей.

Стук дверного молотка вывел меня из ступора. Сначала

я подумала, что лучше не открывать, никто бы не пришел, не договорившись заранее, и мне не хотелось выгонять какого-нибудь бедного свидетеля Иеговы или парня с чистящими средствами, который торгует ими, чтобы вернуться к нормальной жизни после тюрьмы (хотя я уверена, что они просто разведывают обстановку, чтобы потом взломать дверь и все унести).

Потом я вспомнила свои прекрасные туфли, поняла, что сейчас уже почти десять – в это время как раз приходит почтальон, – побежала к двери и открыла ее как раз в тот момент, когда он заполнял квитанцию «К сожалению, мы не застали вас дома». Минутой позже, почувствовав себя гораздо лучше, я уже вскрывала хлебным ножом картонную коробку.

В простую коричневую картонку была упакована блестящая белая коробочка. Я немного притормозила, желая растянуть момент, прежде чем я сниму крышку и впервые почувствую аромат новой кожи. Но вместо моих уцененных туфель «Rag&Bone» под ворохом оберточной бумаги скрывался комплект нижнего белья «La Perla», наверное, вдвое дороже.

Черное кружево: бюстгальтер, легкий как перышко, в который никогда бы не поместилась моя грудь размера 32F, и малюсенькие трусики, которые я бы, наверное, выше колен не натянула. Очень жаль, потому что если бы «Амазон» захотел отправить мне что-нибудь по ошибке – ошибки красивее они бы не придумали. Хотя не то чтобы у меня был повод

носить такое белье.

Хотелось бы сказать, что не помню, когда кто-нибудь последний раз видел меня в нижнем белье, но, к сожалению, не получится. Это также был последний раз, когда я свайпнула вправо на Тиндере. Парень по имени Ник лайкнул меня, написал «Привет» и даже не послал мне фото своего члена – и тем самым уже выделился на общем фоне. Пару недель мы общались в интернете, а потом решили встретиться. Ну знаете, как это бывает: сообщения стали все чаще, свидание приближалось, я настолько погрузилась во все это, что ко дню встречи уже фактически придумала имена нашим детям.

И когда секунд через пять после встречи с Ником я поняла, что между нами нет вообще никакой химии, я не позволила этому меня остановить. Может, мне просто нужно время, говорила я себе, слишком быстро глотая «Джин-тоник» и сразу же заказывая следующий. В голове вертелось: он хороший парень, с хорошей работой, он забавный. Сказал, что хочет остепениться.

Если бы он был обувью, это были бы ботинки Clarks ¹². Несмотря на то, что к вечеру никаких чувств не появилось, я пошла с ним домой. И, боже, это было ужасно. Целовался он слюняво и неряшливо и крутил мне соски, будто пытался настроить радио в машине. Это был один из тех случаев, когда кажется, что это никогда не кончится.

Не то чтобы это отвратило меня от секса на всю жизнь,

¹² Clarks – британская классическая обувь.

но и не вдохновило попробовать еще раз с кем-нибудь другим. Поэтому вряд ли бы я когда-нибудь пошла в магазин за таким бельем, которое явно надевают только для секса, а потом снимают и с любовью стирают руками, прополаскивая слезами единорога. Я неохотно отказалась от своей мимолетной мечты стать миниатюрной секс-богиней, положила лиф и трусики обратно и накрыла их оберточной бумагой. Нужно вернуть их, чтобы их отправили по верному адресу. Но потом я заметила товарную накладную, выглядывающую из-под слоя бумаги. Это точно был наш адрес, но моего имени там не было; и вообще никакого.

– Черт, – прошептала я, – ну почему я не уточнила?

Я подумала, что может стоит запихнуть все обратно в коробку, послать отправителю и притвориться, что ничего не знаю. Но потом вспомнила, что я расписалась за получателя, и что я уже взрослая, в конце концов, и это просто невинная ошибка. Потом я услышала, как Тэнси вышла из комнаты, закрыла дверь и спустилась по лестнице, и снова растерялась.

– Доброе утро, Шарлотта, – бодро сказала она, входя на кухню в топики на бретельках и откровенных розовых трусиках-шортах, – кажется, я слышала почтальона?

Хорошо, что это я ему открыла, подумала я, если бы это была она, бедный почтальон бы, наверное, тут же упал замертво от инфаркта.

– Да, он приходил, – ответила я, – извини, пожалуйста, я

ждала кое-что из «Амазона» и открыла по ошибке. Это тебе?

Я отдала ей коробку, и она принялась оживленно перебирать оберточную бумагу.

– А, – сказала она, – пришло, да? Мило.

Посылка вроде бы и удивила, и совсем не впечатлила ее одновременно. Это показалось мне странным. Если бы я промотала тысячи фунтов на нижнее белье, то разрывалась бы от волнения, чувства вины и синдрома раскаяния одновременно. Но, может быть, для Тэнси это было по-другому. Судя по тому, что я замечала на сушилке, у нее было много дизайнерской одежды. Хотя я думала, что все это бесплатные образцы и подарки, поскольку она работает фешен-байером. Правда, младшим байером, что все-таки говорит о том, что нечто подобное должно быть для нее редкой покупкой. Но это не мое дело. Если моя соседка хочет выкинуть половину своей месячной зарплаты на трусики – вперед. *«Однако если она покупает такое сексуальное белье, то у нее точно есть парень. Но где он? О Трэвисе она даже не говорила. А может, говорила?»* – подумала я, а потом постаралась избавиться от этой мысли. Ведь не случайно все женские журналы пишут о том, что одеваться нужно не ради мужчины, а ради самой себя? По-моему, кто-то даже книгу написал о том, что новые вещи приносят радость? Или о том, что радость приносит избавление от старых?

– Здорово, – сказала я, – извини, что я...

– Забудь, – ответила Тэнси, – ммм, Шарлотта, я не хочу

быть навязчивой, но у тебя все хорошо? Ты выглядишь такой усталой.

Она поставила коробку обратно на стол и тактично отвернулась, чтобы налить воды в чайник.

– Все в порядке. Просто не высыпаюсь последнее время.

К моему удивлению, Тэнси покраснела как рак. Я думала, что такую реакцию скорее бы вызвало то, что я увидела ее сексуальные трусики.

– Надеюсь, это не из-за меня ты не спишь? – спросила она. – Я поздно говорю по FaceTime. Просто мама и сестра работают в разные смены и это единственное время, когда мы можем все вместе выйти на связь... Я и не подумала.

– Да нет, я даже не слышала, – уверяла ее я, – просто на работе много стресса, а еще Мэдди просила меня поехать с ней на примерку свадебного платья, а я не смогла и переживаю из-за этого. Ничего страшного, правда.

– Если твоя подруга выходит замуж, то знаешь, сколько еще всего будет. По-моему, это всех с ума сводит. Помню, когда сестра замуж выходила. В какой-то момент нам показалось, что пора звать людей в белых халатах. Пердита могла позвонить мне в пять часов утра, потому что проснулась и ей вдруг пришло в голову, что все занавески в зале надо перевесить наизнанку, потому что ей цвет не нравился. К тому же она тогда была беременна, что, наверное, только ухудшало ситуацию. Мегастресс.

– Наверное, – сказала я, – но Мэдди всегда была такой

практичной. Боюсь, я ее задела.

– Пройдет, – сказала Тэнси, – поверь мне. Подожди дней пять, а потом позвони ей. Если к тому времени она не позвонит тебе первой, что скорее всего и случится. Кстати, а как вы познакомились?

Я рассказала о том, что мы жили по соседству в Крамлингтоне, городе на северо-востоке Англии, где выросли, и были лучшими подругами в школе. Мы продолжили общаться и в университете, хотя я училась в Манчестере, а Мэдди – в Глазго. Когда я нашла работу в Лондоне, то сразу же написала Мэдди в Вотсап и спросила, нужна ли ей соседка. И тогда мы снова подружились, как будто никогда и не расставались.

– Как здорово, – вздохнула Тэнси, – вот увидишь, как только они поженятся, все сразу станет как прежде.

Она меня не убедила, но вдохновила. Я спросила Тэнси, какие у нее планы на сегодня. Она посмотрела в окно, на яркое солнышко, сказала, что наденет бикини и позагорает где-нибудь в парке, и спросила, хочу ли я присоединиться.

Я взглянула на ее стройные загорелые ноги и представила, какими бледными как смерть мои покажутся на ее фоне. Я уже хотела отказаться, но решила, что это уже совсем глупо.

– Пойду переоденусь, – ответила я.

По дороге вверх я столкнулась с Адамом, когда он выходил из спальни. Я видела, как он спустился, застал Тэнси в пижамке, покраснел и тотчас же бросился наутек, скрылся

в своей комнате и захлопнул дверь. «Бедный чувак, – подумала я, – наверное, жизнь с Тэнси для него одновременно и кошмар, и сон наяву».

Большую часть дня мы с Тэнси провели в парке – наряду с толпой других, которые тоже решили не упускать такой шанс позагорать в парке солнечным субботним днем. Мы листали кучу журналов, которые купили в киоске, и лениво болтали на очень важные темы, наподобие «Кто лучше в “Докторе Кто” – Дэвид Теннант или Мэтт Смит?» и «“Мальтизер Баттонс” – это лучший или худший шоколад в мире?».

Когда похолодало настолько, что лежать в парке уже не хотелось, мы пошли домой, по дороге зайдя в супермаркет за дорогим готовым ужином и бутылкой вина.

Тэнси прошла по всем рядам, наполняя корзину всякой всячиной – банками фасоли, коробками печенья и упаковками гигиенических салфеток. Я не понимала, почему она вдруг решила закупиться на неделю прямо сейчас, но потом, на выходе, она оставила все это в ящике для сбора благотворительности. И вдруг мне стало очень стыдно – я же столько раз проходила мимо и ни разу ничего туда не положила.

Дома мы поужинали, и я только собралась предложить Тэнси пойти в паб, как она зевнула и сказала, что пойдет наверх звонить маме и сестре по FaceTime, а потом спать.

Смирившись с перспективой одинокого вечера, я открыла в ноутбуке эпическую таблицу, которую делала для Марго в ожидании переезда нашего офиса в следующем году. Пере-

езжаем мы всего лишь на два этажа вверх в том же здании, но работы и планов столько, что можно подумать, мы планируем вторжение в Сирию. Почти за год до переезда мы уже наняли архитекторов, чтобы подготовить новое место, оснастить его тремя кухнями (каждая из которых еженедельно будет забита заказами из «Окадо»), а также роскошным фитнес-клубом с постоянным личным тренером и пятью залами для переговоров.

Ну и последняя капля – переезд состоится только тогда, когда биржи будут закрыты, чтобы трейдеры уж точно не упустили ни секунды в интернете и, соответственно, ни копейки. Организация всего этого выпала Марго, которая, в свою очередь, перекинула ее на меня. Какое-то время я растерянно смотрела на ряды и столбцы, как всегда ошарашенная масштабами всей этой задачи, а потом вздохнула, налила себе еще бокал вина, написала сообщение Мэдди, удалила его и снова вздохнула.

И когда я уже почти сдалась и собиралась пойти спать, раздался стук в дверь. Было уже почти девять – для почтальона поздно, как и для свидетеля Иеговы, но бывшего зэка, продающего половые тряпки, не исключаем, как и какого-нибудь ночного сборщика пожертвований для «Спасем детей»¹³, который хочет, чтобы я подписалась на рекуррентные платежи.

¹³ Save the Children – международная организация, занимающаяся защитой прав детей по всему миру.

Я закрыла ноутбук и побежала к двери.

– Извините, что мы так поздно.

Это были наши соседи, Ханна и Люк, хозяйева (или родители, это уж как посмотреть) кота Снежка.

– Надеюсь, мы не помешали, – сказал Люк.

Я пробормотала, что нет, не помешали, к тому же это так и было, и пригласила их зайти в дом.

– Нет, спасибо, – сказала Ханна, – мы просто заходим ко всем соседям в районе и спрашиваем, не видели ли они нашего кота.

– Снежка, – добавил Люк, – белый такой, один глаз зеленый, другой голубой.

– Да, я его видела, красавец. Он иногда заходит к нам в сад, а потом перемахивает через забор, когда вы зовете его ужинать. Но последнее время я его не видела, – сказала я.

– Последний раз мы видели его в пятницу утром, – сказала Ханна, – мы только недавно стали выпускать его одного на улицу и боимся, что он потерялся.

– Ему даже и года нет, – продолжил Люк, – котенок еще.

– Мы его звали, звали, – сказала Ханна, – он не глухой, хотя и говорят, что все белые кошки глухие, но не он.

– Обычно он прибегает, как только услышит шуршание пакетика «Дримис», – сказал Люк.

Я покачала головой.

– Мне очень жаль. Боже, представляю, как вы волнуетесь. А в местные группы в социальных сетях писали?

– Да, в социальные сети писали и расклеили везде листовки, в кафе у Люка тоже.

– «Дэйли Грайнд», – объяснил Люк, – не уверен, что видел вас там.

Конечно, я каждый день проходила мимо этого кафе по дороге на работу и сейчас вспомнила, что почти каждое утро видела через окно Люка. Но я никогда там не была. В тот раз, когда мы пытались сходить туда с Тэнси на бранч, кафе было закрыто, а по дороге на работу я всегда спешила, к тому же знала, что там у меня будет безлимитный доступ к прекрасному кофе. Зато Мэдди и Генри часто там бывали.

Я объяснила им все это и взяла одну из листовок (просто так, потому что я и без того знала, как выглядит Снежок, но и не взять тоже было бы грубо, как будто мне все равно).

– Я спрошу у своих соседей по дому, – пообещала я, – и сама попробую его поискать. Уверена, он вернется. Наверное, забежал в чей-нибудь сарай и не может выйти.

Мы попрощались, и я посмотрела, как они шли вниз по полуночной улице, держась за руки и сжимая стопку листовок. «Бедные, – подумала я, – и бедняга Снежок, где бы он ни был». Они казались такими грустными, но в то же время сплоченными – двое с миссией по спасению своего потерянного котика. Я почувствовала, что к глазам подступают слезы, но моргнула и вернулась к своей таблице, с которой просидела, пока слова и цифры не стали расплываться перед глазами.

Потом я приняла ванну, лениво просматривая Тиндер, пока протеиновая маска впитывалась в волосы, и надеясь, что другая маска, с гликолевой кислотой, в то же время отшелушивает с лица мертвые клетки.

Глава 6

Приветтики! С возвращением в «Извините, что мне не жаль» – гид по любви и сексу от плохой девочки. Сегодня мы вернемся «к основам». Знаю, знаю, все подумают, что онлайн-знакомства – это лучший вариант... но не всегда! Одни из самых счастливых пар, которых я знаю, встретились офлайн, зачастую через общих друзей. Все-таки наши друзья знают нас лучше, чем кто-либо другой, так что когда подруга хочет вас с кем-нибудь познакомить – слушайте ее! Может, это и не будет любовью с первого взгляда, но вполне возможно, что вы встретите именно того, кто вам нужен сейчас. Понимаете? Я уже не раз прекрасно проводила время с парнями, зная, что это ненадолго. С парнями, которые остались моими хорошими друзьями. Или с теми, кому я частенько звоню ради секса. Или с теми, с которыми можно пофлиртовать и заняться головокружительным сексом, зная, что они никогда не станут отцами моих детей. И вот мой сегодняшний челлендж – позвонить трем лучшим подругам и попросить каждую познакомить меня с одним из ее друзей. Вот и все! Так просто, правда?

– Просто кошмар, честно говоря, – сказала Мэдди, – кто бы подумал, что отремонтировать дом и в то же время планировать свадьбу будет так трудно? Уж точно не мы!

– По тебе не скажешь, – заметила я, – прекрасно выглядишь, и дом тоже.

Это правда. Мэдди похудела – но так, наверное, делают все, кто хочет влезть в свадебное платье. Хотя ее поездка в Брайтон и не завершилась встречей с Единственным (платьем, конечно же). Когда я спросила ее, как все прошло, и снова извинилась за то, что не смогла приехать, она отмахнулась и сказала, что ничего страшного. Но при этом казалась такой разочарованной, что я уже почти отказалась от мысли попросить ее познакомить меня с кем-нибудь из ее «свободных» друзей. Но в итоге все же решилась, и она ответила, удивительно естественно и похоже на саму себя, что организует ужин на новой кухне. Хоть перспектива встречи с приятелем Генри по крикету не казалась мне такой уж привлекательной, я ответила, что с радостью приду, и спросила, что принести. Что само по себе было так странно, ведь раньше, когда Мэдди устраивала ужины на нашей общей кухне, не надо было ничего спрашивать. Я просто крутилась вокруг нее, а она хозяйничала и говорила мне, что порезать, что помыть, отправляла меня на экстренные миссии в магазинчик на углу, чтобы купить то, что она забыла.

Когда я была здесь в первый раз, дом был завален картонными коробками, и у каждой стены стояли упаковки с составными частями будущей кухни. А сейчас это уже дом. Настоящий дом. Сквозь открытые стеклянные двери, что выходили в сад, в дом проникал теплый вечерний воздух. На

только что уложенных каменных плитах стояли горшки с розами и травами. Над камином висела гирлянда с огоньками, повсюду стояло множество свечей, а на икеевский кухонный стол, за которым мы все сидели, даже постелили скатерть.

Мы все – это я, Генри и его сестра Бьянка со своим мужем, я была с ним знакома, но совсем забыла его имя. Мэдди стояла у плиты и что-то помешивала, а за ней крутился Магнус, мой «парень» на сегодняшний вечер.

Сводить своих неженатых друзей совсем не просто. И, наверное, это прозвучит неблагодарно, но он точно не покори́л меня при первом же знакомстве. Тем более что это знакомство сопровождалось поцелуем. Правда, он промазал, и в итоге я осталась с мокрым ухом. И ладно бы, если на этом все кончилось, но он решил повторить то же с другой стороны. В итоге мне пришлось дожидаться, когда он отвернется, чтобы вытереть уши о свитер. Светловолосый и розоволицый, он казался каким-то помятым, несмотря на пушистую бороду, которая явно должна была придать ему «богемный» вид, но в итоге почему-то сделала его похожим на одного из семерых гномов – на Чихуна, судя по цвету носа. Звучал он чопорно, сразу видно, что из престижной школы. Говорил чуть громче и чуть больше, чем нужно, и в данную минуту критиковал рис Мэдди. Да, рис Мэдди.

– Конечно, арборио – идеальный выбор для ризотто, – говорил он, – но, на мой взгляд, с карнароли получается утонченней, сливочней. В «Локанда Локателли» используют

только его. Последний раз, когда я там был, я заказал на ланч ризотто с лобстером и летним трюфелем – и это было просто неземное блаженство.

– Ну, в нашем будет курица и горошек, насчет «блаженства» – я работаю над этим, – ответила Мэдди, уверенно помешивая ризотто.

– «Био-», надеюсь, – сказал Магнус, – из искусственно выращенной курицы приличного бульона никогда не выйдет. А ризотто целиком зависит от качества бульона – на мой взгляд, это даже важнее самого риса. В книге Анны Дель Конте написано, что...

Я перестала его слушать, повернулась к Генри и спросила, как у него дела на работе. Так странно: я бы никогда не спросила его об этом, если бы мы жили в одном доме, ведь тогда я бы и так знала. Догадалась, если бы он вернулся хмурый или позднее обычного, или весь вечер отвечал на звонки по телефону. А теперь приходилось спрашивать. Так же и с Мэдди. Если бы мы жили в одном доме, я бы и так знала, как проходит ее подготовка к свадьбе – она бы хлопнула дверью, плюхнулась на диван и начала ныть, что во всем Лондоне нет ни одного флориста, который не обобрал бы тебя до нитки, и сказала бы, что ее будущая свекровь собирается пригласить всех в Суррей.

К тому времени, когда Генри уже успел рассказать мне обо всех последних инновациях в сфере графического дизайна и открыть еще одну бутылку белого вина (под аккомпанемент

Магнуса: «Как по мне, так “Тави” весьма переоценивают»), Мэдди поставила на стол блюдо с ризотто и миску с салатом и стала предлагать всем тертый пармезан. Я заметила, что сама она почти ничего не ела, но хорошенько принялась за «переоцененное» вино. Я тоже сделала большой глоток из бокала – кажется, это был единственный шанс пережить вечер в компании Магнуса.

– Как вкусно, Мэдди, – хвалила ее Бьянка, с капелькой ризотто на краю вилки, – ты настоящий профессионал.

– Да ты просто счастливчик, Генри, – сказал Магнус, уставившись при этом в декольте Мэдди, – что будет в меню на главный день? Каких вкусов нам ожидать? На прошлых выходных я был на свадьбе в Пемброк-Парке и, должен сказать, еда оставляла желать лучшего, для места такого-то уровня. Мясо пережаренное, а мусс из лосося слишком пресный.

– Какой кошмар, – сказала я, глядя на Мэдди, которая сидела с другой стороны стола, и надеясь, что она засмеется. Но нет: она пристально и хмуро на меня посмотрела.

– Хотим сделать что-то в стиле «уличной еды», – сказала она, – знаешь, тележки или палатки разной тематики с едой со всего мира. Мини-бургеры, энчилады, свежие устрицы, лапша и все такое.

– Звучит здорово! – сказала я.

– Смело, – встрял Магнус, – ну и, конечно, маловероятно, что хотя бы что-нибудь из этого окажется аутентичным. Ко-

гда я последний раз был в Чунцине, я пробовал малу¹⁴ в разных – дилетант, наверное, назовет их палатками с уличной едой, а вот местные считают их ресторанами. Удивительная вещь. Между настоящим мала и суррогатом, который они выдают за него здесь, огромная разница. Настоящий готовят из утиных кишок – такой насыщенный вкус, что-то невероятное.

– Представляю, – сказала я, чуть закатив глаза, и взглянула на Мэдди, но она снова нахмурилась в ответ.

Казалось, другого выхода нет, кроме как выпить еще вина. И когда мой бокал опустел, я налила еще, а потом выпила и этот.

Вслед за ризотто был тирамису, и у Магнуса появился новый повод просветить нас насчет разницы между настоящим итальянским маскарпоне и фигой, которую Мэдди купила в супермаркете и из которой, собственно, и готовила, и прочитать нам лекцию о превосходстве свежемолотого кофе над капсулами «Неспрессо».

И как только я подумала, что уже наконец-то пора расходиться по домам – точнее, что скоро все остальные разойдутся по домам, а я смогу нормально посплетничать с Мэдди и Генри о... да обо всем, на самом деле, – Магнус сказал, что он принес кое-что особенное в подарок Мэдди. И мало того, что он успел разрушить все планы на свадебный ужин, так

¹⁴ Мала – острая приправа (и соус) из сычуаньского перца и чили. Блюда с ней также носят название мала.

он решил, что ни один ужин не обойдется без кусочка сыра, и вытащил огромный кусок пекорино и банку меда, добавив, что он со вкусом черного трюфеля. Запах этого меда напомнил мне тот, что доносился из комнаты Адама. Все немного попробовали. Я подавила зевок и снова пожелала, чтобы все прекратили есть, пить и болтать о кухне всяких экзотических стран, в которых я никогда не была (и, судя по всему, уже никогда и не побываю), и пошли домой спать.

Наконец Бьянка сказала, что им (с Майклом, конечно!) уже правда пора идти, потому что завтра с утра им предстоит везти дочку на занятие по цирковому искусству.

– Шарлотта, ты же едешь в Хакни? – спросил Магнус. – Я живу на Олд-стрит, совсем недалеко. Может, вызовем такси на двоих?

Мне хотелось пнуть Генри за то, что он сказал ему, где я живу – Магнус точно узнал это не от меня. И в такси я с ним не поеду.

– Если честно, я хотела вернуться на ночном автобусе. Обожаю их! Особенно вечером по пятницам, всю дорогу от Бромли до Далстона. Это классно, там такая жизнь кипит! Лучшее место для наблюдения за людьми! Сначала я помогу Мэдди с уборкой, а потом поеду. Хотя если хочешь присоединиться...

Я так и знала. Он в ужасе схватился за телефон, вызвал такси и умчался. Вскоре, посылая тысячи воздушных поцелуев, ушли и Бьянка с Майклом. Правда, до этого я успела

подслушать, как Бьянка и Мэдди шептались о чем-то в коридоре, пока я складывала посуду в посудомоечную машину.

– Завтра в три часа дня, правильно? – спросила ее Бьянка. – Жаль, что с Кончитой не вышло, но тебе понравится в «Студии Монти», я даже не сомневаюсь.

– Да, – ответила Мэдди, – но почему бы нам не встретиться пораньше, скажем, в два, и зайти за коктейлем до того, как идти в студию? Не буду же я мерить свадебное платье трезвая как стеклышко?

До меня доносились их громкие пiski от восторга, а потом Генри подловил меня там, с полотенцем в руках, без сомнения немного ошарашенную, и сказал:

– Шарлотта, ты чего, мы же не позволим тебе тут вкалывать. Садись, я поставлю чайник, а ты расскажешь мне, как поживает твоя соседка-супермодель.

Я присела. На самом деле, даже если бы он не предложил, не думаю, что я бы еще долго смогла устоять на ногах – они почему-то вдруг перестали меня слушаться, да и голова закружилась. Я сидела там, как лузер, в голове звенели их восторженные пiski – и мне было так больно и странно, будто меня пнули в живот.

Все-таки я – главная подружка невесты. Разве нет? А потом я поняла, что на самом-то деле она никогда мне этого и не предлагала; я просто автоматически решила так для себя. И конечно же, это потянет за собой множество других задач. Например, организовать девичник, помочь ей выбрать,

чем украсить пригласительные открытки – изысканными розовыми розами или не менее изящными рельефными надписями. Ну и, конечно же, вместе пиццать от восторга от предстоящей поездки за платьем. И ничего из этого она мне не предложила. В то же время она точно просила Бьянку хотя бы об одном из этого, потому что от меня услышала отказ. Я вспомнила, что и до свадьбы осталось всего четыре месяца. Я привыкла организовывать все по работе в исключительно краткие сроки, но на подготовку к свадьбе люди обычно тратят гораздо больше времени, разве нет?

В итоге к тому времени, когда Мэдди вернулась в гостиную и Генри дал мне чашку чая, я взвинтила себя до такой степени, что голова шла кругом.

– Почему ты... – спросила я.

– А почему ты... – одновременно со мной строго спросила Мэдди.

Генри пробормотал что-то о том, чтобы вынести мусор, и улизнул.

Мы обе замолчали, но Мэдди спросила первая.

– Почему ты так ужасно вела себя с Магнусом?

– Что? Да потому, что он придурок, Мэдди. Чопорный прыщ, на свинюшку из «Перси Пиг» похожий. Ты серьезно думала, что он может мне понравиться?

– Никакой он не придурок! Он очень хороший. Добрый, щедрый, он даже звал нас с Генри поехать во Францию и выбрать там вино на свадьбу. Знаешь, сколько мы сэкономим?

Он так хотел с тобой встретиться, а ты просто сидела, молчала как рыба и гримасничала, что бы он ни сказал. Это как вообще?

– Мэдди, да ты что! – я понизила голос. – Я знаю, что он друг Генри, но серьезно? Правда?

– Супер. Оставайся привередой – посмотрим, как далеко уйдешь. Подумать только, с переезда в Лондон даже успела один раз заняться сексом. Ну, раз тебя это устраивает, продолжай в том же духе. Удачи.

Мне хотелось объяснить ей, что именно из-за того, что секс с Ником был таким ужасным, я больше не хотела рисковать еще одной кошмарной ночью с человеком, который мне не нравился. И ничего хорошего из того, чтобы я пошла с Магнусом ради них с Генри, не вышло бы – простая потеря времени.

Но были и гораздо более важные вопросы, которые я хотела задать этой девушке, которую считала своей лучшей подругой.

Мой голос дрожал, когда я спросила:

– Мэдди, ты едешь за свадебным платьем завтра с Бьянкой?

Я увидела, как по ее ключице пробежала краснота, но до лица она не дошла.

– Ага, – ответила она, – Бьянка замужем. Она уже все это прошла и знает, как что работает. Я доверяю ее вкусу и знаю, что у нее будет время помочь мне со всем этим. Ты слишком

занята, Шарлотта. И, честно говоря, тебе не так уж это и надо. Мне нужно было что-то решить, и я решила. Ты моя... — на месте одного очень важного слова прозвучала пауза, — подруга, и всегда ею будешь, но я попросила Бьянку быть главной подружкой невесты. Прости.

Я не знала, что после этого сказать. Я поблагодарила их за прекрасный вечер, села в одинокий, баснословно дорогой «Убер» (как раз в час пик) и поехала домой. Первую половину пути стараясь не заплакать, а все оставшееся время стараясь, чтобы водитель не увидел.

Глава 7

– Дорогая, напечатай это, пожалуйста, когда будет свободная минутка, – сказал Пирс, кинув флешку мне на стол, – это не срочно и понадобится только завтра, часам к десяти утра.

Я оторвалась от экрана с таблицей переезда нашего офиса, которая как-то отупляюще действовала на мозг. В то же время посматривая на свадебную страничку Мэдди в Pinterest, где в последнее время превалировали фотографии Одри Хепберн из «Моей прекрасной леди». Видимо, она выбрала тему; только мне ничего не сказала.

– А что там? – спросила я.

– Я недавно завтракал с одним парнем из Никарагуа в «Чилтерне», – ответил Пирс, – ужасно интересно. Он много всего рассказал о недвижимости, аграрном бизнесе и даже о финтехе. Думаю, из этого получилась бы интересная статья для сайта. Но, конечно, потребуется его согласие, и мы не укладываемся в контент-план, так что, если ты не против...

Он взмахнул пальцем, словно говоря «это займет не больше минутки», отвернулся и пошел.

Я закатила глаза. Эта «минутка» с легкостью превратится в четыре часа, которые уйдут на попытки расшифровать слова Пирса и этого парня из Никарагуа на фоне шумных разговоров и звона посуды. А потом нужно будет еще и попытаться все это осмыслить и сократить так, чтобы не пре-

высить ограничение в тысячу слов для публикации в блоге. А потом Пирс и его приятель, конечно же, захотят внести еще тысячу изменений, чтобы их слова звучали более важными и в то же время чтобы в тексте не осталось ни одного хоть сколько-нибудь спорного места – хотя за завтраком им так не казалось.

А я планировала хотя бы однажды ускользнуть вовремя, чтобы успеть на встречу с Тэнси.

– Поехали в «Ритц» – предложила она, – ну давай, Шарлотта. Я всегда хотела попробовать их коктейли, к тому же уверена, что парни там будут сногшибательные.

«Ага, значит, ты свободна», – подумала я. Наверное, отшила бедного Трэвиса, с розами или без.

Я отправила ей сообщение:

«Прости, пожалуйста, но я, наверное, задержусь сегодня на работе. Не знаю, во сколько освобожусь. Я только «за» коктейли и шейки, но, скорее всего, опоздаю. Скажи, если тебе удобнее перенести это на другой день».

Я добавила эмодзи с человечком, закатывающим глаза, и еще один с бокалом мартини. Потом вставила флешку, надела наушники и начала печатать.

Как я и боялась, все оказалось непросто. В таком шуме сложно было расслышать Эрнесто Гонзалеса из-за его сильного акцента и того, что Пирс постоянно перебивал его, навязывая своему гостю еще кофе «или, может, “Кровавую Мэри”», – солнце уже покатилось к закату, капитан. Наверное,

лучше оставить эту конфетку в расшифровке.

Я дошла до пяти тысяч слов, как вдруг на кухне послышалась какая-то суета. Я сразу же почувствовала напряжение в шее и плечах.

– Куда на хрен Брайони делась? – спрашивал Ренцо. – Домой смоталась, что ли?

– Еще только шесть, – сказал Павел, – Колин платит ей за то, чтобы она по полдня работала?

– Что ж, кто-то должен в этом разобраться, – по тону Ренцо было件нятно, что это будет не он.

– У Шарлотты спроси, – предложил Павел.

Я сохранила документ и отодвинулась на кресле. Лучше самой проявить активность, пойти и спросить, в чем проблема, и предложить решение до того, как придет Павел и начнет на меня кричать. А еще лучше сразу во всем разобраться и решить ситуацию, чтобы, когда Павел начал орать, я смогла холодно ответить, что проблема уже решена.

В мою сторону шел Ксандер со стаканом воды, и я подождала его к себе.

– Что там происходит? – спросила я.

– Кофе закончился, судя по всему, – ответил он.

– Боже мой, и это все? Казалось бы, один из этих взрослых мужчин мог пройти двадцать метров до «Сейнсбери'с» и купить кофе, но, видимо, нет.

Ксандер продолжил:

– Честно говоря, о кофе здесь все разговоры. Знаю, я у

вас еще недолго, но у меня такое ощущение, что кофе играет здесь главную роль.

– Так и есть. Ладно, тогда я постараюсь предотвратить Третью мировую и обвал рынка.

Я встала и перекинула сумку через плечо.

– Хочешь, я схожу? – предложил Ксандер. – По-моему, у тебя и так много дел.

Я рассказала ему о срочной просьбе Пирса и добавила:

– Честно говоря, я не против немного передохнуть.

– Никарагуа? – спросил Ксандер. – Я знаю немного об экономике Никарагуа. Пару лет назад статью об этом писал. Пошли мне то, что у тебя есть, и аудиофайл, и я напишу эту статью для Пирса за тебя. Зачем тебе расшифровывать столько ненужной болтовни?

– Боже, правда? Это было бы так здорово. Я сегодня вечером должна была встречаться с подругой и уже подумала, что придется ей отказать, но теперь успею туда вовремя. Спасибо огромное!

– Да не за что. Но не забудь, ты у меня в долгу. Не отчитывай меня в следующий раз, когда потеряю пропуск.

– Договорились, – сказала я, кликнула на «отправить письмо» и пошла в магазин. Может, Ксандер и самый неряшливый из всех, кто когда-либо переступал порог «Колтон Кэпитал», но он добрый, чего не скажешь о многих остальных. Он не обязан помогать мне с этой скучной и неблагодарной задачей. Я задумалась, почему бы это. Наверняка у

него есть еще какой-то повод, важнее того, чтобы заранее гарантировать себе новый пропуск. Может, он собирается написать какой-то удивительный экономический анализ и забрать у Пирса «авторские права». Что ж, если так, то удачи ему.

Когда через десять минут я вышла из лифта с выполненной миссией, стало ясно, что в офисе возник кризис другого рода.

В приемной стояла Тэнси. На ней было простое маленькое белое платье, свободное и ничего не подчеркивающее, но достаточно короткое для того, чтобы продемонстрировать ее загорелые стройные ноги во всей красе. Ее распущенные волосы спускались по спине, а на ногах были серебряные ботильоны на высоком каблуке с открытыми пальцами, которые идеально сочетались с серебряным лаком. На каблуках она была почти такой же высокой, как Ренцо, но не совсем. Я заметила, потому что они стояли рядом, оба с телефонами в руках.

Павел сердито шел к своему месту, похожий на кота, которого только что отпугнул другой кот и который теперь идет в отступление, даже не попробовав тунца.

Воздух просто вибрировал от тестостерона.

– Шарлотта! – сказала Тэнси. – Я получила твое сообщение и подумала, что, может, я заранее приду и подожду здесь, а потом мы пойдем, как только ты освободишься. Надеюсь, ничего страшного.

Я отдала Ренцо пачку кофе. Он улыбнулся своей очаровательной улыбкой и поблагодарил меня, к моему удивлению, а потом сказал Тэнси:

– Я позвоню, – обернулся и пошел к себе.

Тэнси подмигнула мне и почти незаметно взмахнула кулачком, как бы говоря: «Ура!»

Я оставила ее в приемной, ответила на пару экстренных писем, выключила компьютер и несколько минут поправляла макияж в женской уборной, жалея, что на мне такое унылое, серое и официальное платье-рубашка от «Рейсс». Я и так незаметная, а на фоне Тэнси совсем потеряюсь.

Но когда рядом Тэнси, на меня и так не взглянут, что бы на мне ни было, – утешила себя я, нанося бронзер в попытке создать иллюзию скул. Взять Павла и Ренцо, к примеру – я работаю с ними уже не первый месяц, и они на меня даже не взглянули, а с Тэнси провели пару секунд и уже чуть не подрались из-за того, кто пригласит ее первым.

Я завершила образ ярко-красной помадой и убрала волосы. Сойдет.

– Прекрасно выглядишь, – сказала Тэнси, – классные туфли. Ну что, пойдем?

Мы пошли вниз по улице, прямиком до ароматной темноты «Ритца», и сели за столик в баре.

– Вот это да, – вздохнула Тэнси, – как круто. У них даже пианист есть. И икра в меню. Ты, наверное, постоянно сюда ходишь?

– Хотелось бы! Двадцать фунтов за коктейль – это не для меня.

Какое-то время она смотрела на цены в меню и вздрагивала, а потом сказала:

– Так, я плачу. Раз ты уже так мне помогла! Мне «Идеального Джентльмена», пожалуйста.

– А мне «Железную Леди», – сказала я назойливому официанту.

Несколько минут Тэнси восхищалась красотой нашего офиса и расспрашивала меня о том, как работают хедж-фонды. Я старалась не пускаться в кучу скучных и ненужных подробностей об альтернативных инвестициях, портфелях институциональных инвесторов и разнице между активными и пассивными стратегиями. Главное, ей было очень интересно – она жадно слушала и задавала умные вопросы. Мне было бы очень лестно, если бы я не знала, что все это – экстренный курс подготовки к очень важному тесту.

Ее сила воли меня поражала. Только после того, как мы заказали по второму коктейлю и нам принесли еще по миске с оливками, она сказала:

– Ну. Расскажи мне о нем.

– О Ренцо?

«Ну конечно о Ренцо, Шарлотта. Боже мой».

– Ага, – подтвердила Тэнси.

– Ну, ему тридцать два. Родился в Риме. Учился в Кембридже и Массачусетском технологическом институте.

Несколько лет работал в Немецком банке, а потом...

Но зачем ей было слушать его резюме. Она же не проводила с ним собеседование о приеме на работу – скорее, сама к нему готовилась. Я ломала голову, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь, чего не будет в его профиле на LinkedIn (она и так его откроет, как только я выйду в туалет).

Я сделала глоток коктейля.

– Он – Козерог, родился пятнадцатого января. Следит за «Формулой-1» и болеет за футбольный клуб «Лацио» – не «Рома», это важно. Похоже, у него огромная семья – он постоянно просит помощников пойти и купить его племянникам и племянницам подарки на дни рождения и крестины.

– О, как мило, – сказала Тэнси, а я еле удержалась от того, чтобы сказать, что было бы еще милее, если бы он поднапрягся и сходил за ними сам.

– Его любимые рестораны – «Квадрат» и «Скетч». Живет в квартире в Марилебоне, совсем недалеко от Харли-стрит. Могу дать адрес, если хочешь начать жесткую слежку.

Тэнси захихикала.

– Да нет, не надо. Ну или, может, в другой раз. Девушки у него нет?

– Нет, девушки нет. Насколько я знаю, он ни с кем не встречался с того времени, как пришел к нам работать в начале года.

– Был женат? – спросила она.

– Нет. Но знаешь, честно говоря, когда я впервые его

встретила, я тоже какое-то время ходила за ним по пятам. Знаешь, как бывает. Он встречался с Табитой Уайтли, знаешь, моделью, еще с какой-то девушкой из «Сделано в Челси»¹⁵, не помню ее имени, и с Минти Хастингс-Херберт – я прочитала в «Хэллоу!», что она когда-то встречалась с Хью Гровенором¹⁶. Так что он очень избирательный – ты в хорошей компании. Только похоже, что меняет девушек как перчатки.

– Я люблю трудности. Ну что, давай закажем еще коктейли.

Мы заказали и какое-то время говорили о другом. Но я знала, что Тэнси раздрает вернуться к разговору о Ренцо.

И вдруг она выпалила:

– Да он все равно не позвонит, нечего волноваться.

– Я удивлюсь, если не позвонит.

– Правда? – спросила она вдруг с надеждой и волнением в голосе.

– Ну, во-первых, посмотри на себя. По сравнению с тобой эта девушка из «Сделано в Челси» и Минти, как ее там, просто дурнушки. Я знаю, зауглила. А еще, Ренцо просто так ничего не делает. Они все у нас такие: быстро принимают решения и приводят их в исполнение. Позвонит он.

– В таком случае надо поскорее подкрасить корни и сходиться в солярий недели через две.

¹⁵ Британское реалити-шоу, идущее по ТВ с 9 мая 2011 года.

¹⁶ 7-й герцог Вестминстерский.

– Только через две?

– Не хочу, чтобы он думал, что я на все готовая. Ты что, я же серьезно.

Я с восхищением подумала, что они с Ренцо нашли друг друга, но сказала:

– Что бы ты ни делала, не влюбляйся в него. Я не вынесу, если он разобьет тебе сердце.

Я посмотрела на ее милое, нетерпеливое лицо, вспомнила, какой доброй она была ко мне, когда я волновалась из-за Мэдди, как провела со мной целый день, потому что мне было одиноко, как положила в контейнер еды на тридцать фунтов – с такой легкостью, будто делает это каждый раз, когда ходит в магазин, – и поняла, что действительно за нее волнуюсь.

* * *

Следующая неделя далась Тэнси непросто. Представляю, какая ей нужна была сила воли, чтобы не спрашивать каждый день, был ли Ренцо сегодня на работе, ходил ли куда-то прошлым вечером, ходил ли на ланч и с кем, спрашивал ли о ней. Но каким-то образом она удержалась.

Знаю, что вы подумаете: «Что? Она его видела всего пять минут! Она что, какая-то сексуально озабоченная?» Но если в отношениях и бывает такой период, когда даже в самых нормальных, рациональных людях пробуждается какая-то

озабоченность, то опыт мне подсказывает, что это происходит не под конец и не тогда, когда начинаешь подозревать его в неверности, а в самом начале, во время наивысших надежд, ранимости и незащищенности.

Я завидую тем женщинам, которые встречают привлекательного мужчину, дают ему свой номер и думают: позвонит – хорошо, нет – значит, не судьба. И посылают своим друзьям сообщения с «маникюрным» эмодзи, а потом идут дальше, не оглядываясь назад. Но я не такая, и, судя по всему, Тэнси тоже.

Хоть она и старалась не спрашивать о Ренцо каждый день, я замечала другие знаки того, что она готовится к его долгожданному звонку. Вместо обычных чипсов и чашек чая на кухне появилось филе лосося и пакеты капусты кейл. Из Top Shop и ASOS приходили огромные пакеты одежды, которые Тэнси оставляла в коридоре, компактно упаковывала и относила на почту, а возвращалась оттуда с таинственными посылками с индексом Труро. Тонеров с кислотами и масла шиповника в ванной было столько, что впору открывать магазин.

Но она ничего не говорила. В основном я возвращалась домой очень поздно, работа отбирала уйму времени, и, наверное, Тэнси это утешало. Ведь если я просиживала на работе до одиннадцати часов, то Ренцо, наверное, и того больше – и она была права.

После нашего вечера в «Ритце» прошло уже больше неде-

ли. Я вышла из офиса чуть позже девяти и заметила, что за окном уже темно и, к сожалению, лето заканчивается, так по сути и не начавшись. Я нажала на кнопку, чтобы вызвать лифт, и когда двери открылись, Ренцо быстро запрыгнул прямо за мной.

Он был великолепен, как и всегда, только немного усталый. Пора было подстричься, к тому же щетина уже была не дизайнерская, а скорее «не было времени побриться». Пальто немного помялось, а под карими глазами с огромными ресницами, как у Бэмби, были темные круги.

– Куда-то собираешься?

– Боже, нет. Домой, спать. А ты?

– Встречаюсь с друзьями в пабе «5 Хартфорд-стрит».

Я удивилась его стойкости – ведь завтра в семь утра он уже будет здесь, а до этого еще проведет час в фитнес-клубе. Неудивительно, что он кажется таким измотанным. А потом я подумала: если у него нашлись силы на вылазку с друзьями, то почему этот гаденыш все еще не позвонил Тэнси?

– Что ж, надеюсь, вы прекрасно... – начала я, но он меня перебил.

– Шарлотта, твоя подруга, которая приходила недавно...

– Да, Тэнси.

– Ты с ней давно знакома?

– Пару месяцев. Она переехала к нам в июле.

– Она же не вегетарианка, нет?

– Нет, стопроцентный хищник, – сказала я и добавила: –

До завтра.

Потом я побежала домой, чтобы сказать Тэнси, что Ренцо спросил о ней и точно скоро позвонит.

Она валялась в гостиной на диване перед телевизором с бокалом розового вина, лениво копаясь в телефоне. На ней все еще была одежда для фитнеса (хотя в таких классных леопардовых легинсах и свободном сером топе с вырезом, из которого выглядывал неоновое-желтый спортивный бра с перекрестными лямками, она бы прекрасно выглядела и без мучений на кроссфите, или куда она там ходила). А еще она казалась усталой.

– Ренцо спрашивал о тебе, – сказала я как бы невзначай.

– Да ты что? – спросила она, резко взглянув на меня, а потом снова уставившись в телефон.

– Спросил, не вегетарианка ли ты, как если бы хотел не просто позвонить, а пригласить тебя куда-нибудь, прямо серьезно. На ужин. Или на ланч. В любом случае, на настоящее свидание.

– Что ж, – сказала Тэнси, – тогда я, наверное, выключу звук.

Она нажала на что-то в телефоне, встала, потянувшись, пожелала мне спокойной ночи и пошла наверх. Но меня так не проведешь – и до меня донесся победный танец кроссовок на лестнице у ее спальни.

Я пошла на кухню и без особого энтузиазма заглянула в холодильник. Кусок чеддера, который не до конца завернули

и в итоге он уже совсем высох и потрескался по краям; коробка молока с истекшим сроком годности; помятая пачка масла, почти пустая; полбутылки вина; тубик томатного соуса для пасты, который я купила вчера вечером, но так устала, что так до него и не добралась.

Значит, спагетти быть, решила я и плеснула в бокал немного розового вина Тэнси – главное, не забыть купить ей бутылку.

Я отметила, что по содержимому холодильника так же трудно догадаться о том, что с нами живет Адам, как и по всему дому в принципе. В шкафу рядом с моими макаронами лежало несколько упаковок лапши быстрого приготовления, большая коробка с чайными пакетиками и несколько банок тунца, аккуратно поставленные одна на другую. Что ж, Адам – большой мальчик, и если у него начнется авитаминоз, я здесь ни при чем.

За одиноким ужином я подумала, что моя жизнь становится все более и более ограниченной. Работа, дом, сон. У меня нет никакой реальной перспективы встретить кого-нибудь, если только не задаться целью и не просмотреть тысячи профилей в Тиндере. Я даже согласна пережить еще один ужин с Магнусом, особенно если там будет Мэдди. Но с прошлого раза мы обменялись лишь парой сообщений.

Я представила Тэнси, когда она наконец-то сдастся и ответит на звонок Ренцо – а он позвонит, в этом можно было не сомневаться; как она будет собираться перед встречей с

ним в клубе «5 Хартфорд-стрит» или каком-нибудь другом, не менее роскошном месте, по сравнению с которым «Ритц» покажется ей не лучше местного паба «Уэзерспунс». Я знаю это чувство, как будто у тебя бабочки порхают в животе как сумасшедшие, и ты словно паришь в воздухе от нервного возбуждения. Я помню это почти до боли восхитительное ощущение общности с кем-то, когда ты смотришь ему в глаза и просто знаешь: я ему нравлюсь. И он мне нравится. Это случится.

Я понимала, что теоретически когда-нибудь это должно случиться и со мной. Но в то же время просто не могла в это поверить.

Глава 8

Привет, подружка! Как дела? С возвращением в подкаст «Извините, что мне не жаль». Надеюсь, ты прекрасно проводишь время, но даже если нет... улыбнись и готовься к сегодняшнему челленджу!

Врать не буду, это будет непросто. Когда я болтаю с моими одинокими друзьями, они всегда говорят то же самое: «Просто я никогда никого не встречаю!» Но если задуматься, окажется, что это не так. Очень даже встречаете! На сайклинге, на соседнем велотренажере сидит горячий парень. Еще есть один, который чинит мою машину, а еще незнакомец, который сидел вчера напротив меня в конференц-зале на работе. Видишь? Нужно признать, они везде! Итак, сегодня я должна буду взять номер телефона одного из них. А потом – ну вы понимаете, да? – взять телефон и позвонить.

– Шарлотта?

Я оторвалась от салата с курицей и авокадо. Сегодня понедельник, причем сумасшедший. Уйти куда-то на ланч было немыслимо, поэтому, вместо того чтобы пойти за сэндвичем с сыром и маринованными огурцами, о котором я уже давно мечтаю, я взяла на кухне этот низкоуглеводный ланч. Я решила пару минут послушать новый подкаст перед тем, как

погрузиться в редактирование сообщений разным клиентам – Пирс сказал, что это надо делать вручную, потому что каждое должно начинаться со слов: «Надеюсь, <имя>, у Вас все хорошо», а у меня никак не получалось запрограммировать Outlook так, чтобы это происходило автоматически.

Потом я увидела, что надо мной кто-то стоит. Кто-то очень раздраженный, потому что я так погрузилась в свой ланч, подкаст и бессмысленную задачу копировать и вставлять в сообщения имена, что попросту его не заметила. А это был Колин.

Колин еще ни разу со мной не разговаривал, и слава богу. Не разговаривает – значит, не кричит. Моя должность была слишком низкой, чтобы он обратил на меня внимание, и я надеялась, что когда это все-таки произойдет, повод будет хорошим. Но вместо этого он поймал меня с подкастом в ушах и ртом, полным салата.

– Извините, – сглотнула я и выдернула из ушей наушники, – чем могу помочь?

– У нас сегодня встреча, – сказал он, – с архитектором, который делает план нового офиса. Я не смогу. Марго тоже. Он будет здесь в три. Просто взгляните на рисунки и спросите его о чем угодно, хорошо? Пусть обязательно предоставит цифровые файлы. Потом отправьте их нам, вместе с заметками. Хорошо?

– Да, конечно, обязательно, Колин, – ответила я. И к моему огромному облегчению, он отвернулся и пошел к себе

в кабинет.

Как только он ушел, я запаниковала. Что я знала об архитектуре или проекте нового офиса? До сих пор я занималась только логистикой нашего переезда. А что, если в дизайне все будет не так? Если туалеты будут выходить на конференц-зал, а кухня на офис Колина, или что-то в этом духе?

А что, если дизайнер вдруг сойдет с ума и предложит покрасить все в ярко-желтый или поросячий розовый, а я даже не найду в себе сил ему возразить? Да и как я вообще узнаю, что это плохая идея?

Я огляделась в поисках Марго, но на ее месте никого не было. Скорее всего, она не смогла присутствовать на этой встрече, потому что ее потащили на другую, более важную.

Меня утешало то, что раз они с Колином вот так в последнюю минуту забили на этого архитектора, значит, ничего особенно важного с ним не обсуждали. Может, весь разговор будет лишь о том, как идет работа. Было бы здорово.

Я посмотрела на часы. Остался еще час и пятнадцать минут – достаточно для того, чтобы быстренько пройтись по сообщениям Пирса до того, как появится этот, как его там. Я вернулась к салату и таблице, но наушники уже не надевала.

Однако через десять минут я отвлеклась, потому что на почту пришло сообщение. Приглашение на встречу от Марго.

«Шарлотта, спасибо за помощь. Извини, что пришлось тебя так подставить, просто наша няня заболела и совсем неко-

му было забрать близнецов из школы. В прошлый раз мы уже все подробно ему расписали, так что сейчас это просто рутина – послушай рассказ Майлза о последних изменениях в чертежах и отправь нам с Колином цифровые файлы. Вот ссылка на их сайт, на всякий случай. P. S. Он неотразим, еще спасибо скажешь».

Она вставила ссылку на «Тэйлор + Партнеры». Плюсик посередине выглядел как-то безвкусно, хотя может, архитекторам такое нравится. Я кликнула и оказалась на блестящей главной странице, где передо мной сменялись картинки новомодных офисных зданий и огромных квартир, но я сразу же кликнула на раздел «О нас».

«Когда Майлз Тэйлор основал “Тэйлор + Партнеры”, его уже называли одной из восходящих звезд британской архитектуры. С того времени компания...»

За этим следовал список его многочисленных и, наверное, очень престижных проектов и наград, но я все это пропустила и устремилась в раздел «Наша команда». Увидев фотографию Майлза Тэйлора, я отметила про себя, что затаила дыхание. А может, эта встреча – не такая уж и плохая идея?

К своему стыду, я потратила следующий час на поиски интервью с человеком, с которым вот-вот встречу: просмотрела его профиль на старом добром LinkedIn, повздыхала над фотографиями, где он в каске смотрит на здания, и поизучала то, что, насколько я понимаю, было чертежами САПР в офисе со стеклянными стенами, выходящими на

Челси Харбор. Ну и, пожалуй, самое заманчивое – полюбовалась тем, как аппетитно он выглядел в смокинге на фотографиях с церемоний награждений.

Поэтому Брайони застала меня врасплох, когда позвонила и сказала, что он уже ждет меня в приемной. Я заскочила в уборную, причесалась, накрасила губы и даже вылила на себя литр парфюма. А потом подумала, вдруг он ненавидит женские духи, или он астматик, или еще чего – и безуспешно попыталась все смыть. Правда, потом сказала себе: хватит быть такой непрофессиональной тупицей, соберись и иди на встречу, как взрослый человек.

В жизни Майлз Тэйлор был еще красивее, чем на фотографиях. Я бы не поверила, что такое возможно. Оказалось, очень даже возможно. Он был высоким и стройным, а красоту его длинных рук и широких плеч подчеркивал угольно-серый пиджак, под которым была расстегнутая черная рубашка без галстука.

На удивление, у него были седые волосы, не как на фотографиях, которые я видела. Конечно, возглавлять престижную архитектурную мастерскую было нелегко, но не настолько же, чтобы кто-то поседел буквально за ночь, как женщины в мелодрамах? Потом я присмотрелась и поняла, что он просто покрасился – такого идеального, блестящего платинового цвета в жизни просто не бывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.